

СОЛНЕЧНАЯ ЛИЛИЯ

МАДАМ ЖАККАРД

ЛИКА РУСАЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лика Русал

**Солнечная Лилия.
Мадам Жаккард**

«Автор»

2026

Русал Л.

Солнечная Лилия. Мадам Жаккард / Л. Русал — «Автор», 2026

После ночи переворота империя Горгон исчезла. На троне Дом Солнца. А Мелиса Жаккард, кузина свергнутого императора, стала беглянкой. Скрываясь в городе Камю, она открывает дом усад Солнечная Лилия. Но за его дверями продаётся не только удовольствие. Там собираются тайны, долги и опасные союзы. Мелиса готовит месть узурпатору. И всё было бы идеально если бы в Камю не прибыл столичный дознаватель, слишком заинтересованный в делах мадам Жаккард. Приквел цикла "Восхождение домов".

© Русал Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая «Яд и цветок»	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ли́ка Русал

Солнечная Лилия. Мадам Жаккард

Часть первая «Яд и цветок»

Глава 1

Спальня в западном крыле дворца была выстроена по моему вкусу – не слишком пышно, чтобы не вызвать зависти у придворных, но с той долей роскоши, что подобает статс-даме императрицы Парисы.

Лунный свет просачивался сквозь тяжёлые бархатные шторы, разбиваясь на острые грани хрустальных подвесок люстры. В камине догорали поленья, бросая неровные отблески на стены, обитые тёмно-синим штофом с серебряной вышивкой. По углам таились тени, будто живые существа, наблюдающие за каждым движением. Если бы я могла – непременно одарила их лаской. Как котов, что так любила моя венценосная подруга, но эта ночь предназначалась для иных чувств...

Я стояла перед зеркалом в полный рост, разглядывая своё отражение. Тёмные, почти угольные волосы, поднятые в безупречной, немного чопорной причёске, такие же бездонные глаза, в которых зрачок сливался с радужкой, холодные, местами резкие черты лица... Ничего особенно примечательного. Не воздушная леди, привыкшая кокетничать с кавалерами, прикрываясь веером, и не знойная обольстительница. Но мне всегда удавалось поддерживать связи иным путём... Будь то власть имущие, простые слуги или молоденькие офицеры. Последний из них, признаться, был особенно хорош. Мне даже становилось немного жаль при мысли о том, что скоро его и остальных новобранцев из числа гвардейцев отправят на границу с Шакаром.

Сбросив посторонние мысли, я оглядела комнату. Платье из чёрного шёлка с кружевной отделкой лежало на кресле, рядом – флакон с остатками масла жасмина. Я нанесла его на запястья и за ушами – тонкий, едва уловимый аромат, который не перебьёт запах яда, но смягчит подозрения.

Пальцы скользнули к шее – там, под кожей, бился пульс. Спокойный. Расчётливый. Я не боялась. Не в этот раз. Годы интриг научили меня, что страх – роскошь, которую я себе не позволяю.

Ховард Жаккард, герцог Дома Алмазов, приближённый императора Безила Первого, был стар – шестьдесят три года, седые виски, тяжёлый взгляд. Он не ждал сопротивления. Не ждал хитрости. Для него эта ночь была триумфом – брак с фавориткой императрицы укреплял его положение при дворе. А молодое тело в безграничное пользование шло приятным дополнением для старика, привыкшего лишь капать слюнями на подола фрейлин. Для меня же подобный союз – лишь ступень к свободе. Без которой я вполне могла обойтись, но... Возраст, статус и законы (прихоти императора) обязывали леди составить блистательную партию... Что ж, я знала, как выполнить приказ, но остаться верной лишь себе.

Я подошла к прикроватному столику. На нём стоял бокал с вином – половина уже выпита, чтобы создать видимость, будто я нервничаю. Рядом – маленькая шкатулка из чёрного дерева. Внутри – порошок без вкуса и запаха, который я принимала месяцами, капля за каплей, приучая тело к смерти. Теперь оно не отреагирует на дозу, смертельную для любого другого.

Я открыла шкатулку, достала щепотку порошка и аккуратно втёрла в губы. Затем провела пальцами по внутренней стороне бёдер и глубже – там яд впитается быстрее всего. Движения были отточены до автоматизма: я репетировала их десятки раз, представляя каждый шаг этой

ночи. Начиная с того момента, как смогла подкупить нелегальных торговцев из каравана Земли Кобылицы. Их яды славились особой «тихой» жестокостью. И именно их не смог бы распознать императорский лекарь – у закоренелого в своих суждениях и знаниях старца Гоутуса не имелось возможности изучить состав подобных веществ. У моего яда был лишь один минус – он всасывался только через слизистые...

В дверь постучали. Три коротких удара – условный знак от тех гвардейцев, что неизменно сторожили мою спальню.

– Войдите, – мой голос не дрогнул. Но стоило хотя бы изобразить волнение...

Дверь скрипнула, и в проёме показался Ховард. Его фигура заполнила собой весь проход – высокий, широкоплечий, с тем властным видом, что годами помогал ему добиваться своего при дворе. Он окинул комнату взглядом – оценил обстановку, задержался на бокале с вином, на моём наряде, на шкатулке, которую я поспешно прикрыла ладонью.

– Моя леди, – произнёс он, делая шаг вперёд, – наконец-то вы в моей власти.

Я склонила голову, опустил ресницы. Образ невинного ангела всегда давался мне с особым трудом.

– Я ждала вас, ваша светлость, – ответила я, протягивая руку.

Ховард взял её, сжал – крепко, почти больно. Но я не вздрогнула.

– Вы нервничаете? – спросил он, приподнимая мою ладонь к губам. Поцелуй вышел формальным, почти насмешливым.

– Немного, – я позволила голосу дрогнуть на последнем слове. – Всё же это моя первая брачная ночь.

– О, не стоит бояться, – он усмехнулся, делая ещё шаг ближе. – Я буду... внимателен.

«Внимателен, как палач к жертве», – мелькнуло в голове, но я лишь улыбнулась. Подобного не стоило говорить тому, кто ухитрился пережить нескольких любовниц, быстро ставших ему неуютными.

– Позвольте мне налить вам вина, – я высвободила руку и направилась к столику. Движения нарочито плавные, грациозные – как на придворном балу. Взяла бокал, налила до половины. – За наш союз.

Ховард принял бокал, но не спешил пить. Вместо этого подошёл вплотную, так, что я почувствовала запах его одеколона – тяжёлый, пряный, с нотами миндаля. Никогда не любила подобные ароматы, они прибавляли мужчинам возраста.

– Знаете, Мелиса, – его тон стал почти интимным, – я долго ждал этого момента. Ещё когда вы только появились при дворе, я отметил вашу... хватку и красоту. Редкое сочетание качеств для столь молодой женщины.

– Вы слишком добры, ваша светлость, – я опустила глаза, позволяя ресницам отбросить тени на щёки. – Минувшей весной мне исполнилось двадцать восемь.

И именно поэтому все мои попытки избежать брака провалились. Париса пыталась отстоять мою независимость до последнего, но её супруг считал иначе. «Вопиющее нарушение этикета, традиций и морали», – утверждал он последний год, вплоть до того дня, когда подписал документы на мой брак с Жаккардом. «Практически дарственная на моё тело и душу», – подумала я тогда. Но что дозволено монарху, то не дозволено конюху. А значит, мне пришлось улыбаться и Безилу, и его фаворитке... А самой начать готовиться к свадьбе.

– Нет, я реалист, – Ховард сделал глоток вина. – И я знаю, чего хочу. А теперь вы – моя. Полностью.

Я улыбнулась, но ничего не ответила. Он допил вино, поставил бокал и шагнул ближе. Толстые руки легли на талию, пальцы впились в ткань платья, чуть ли не разрывая по швам.

– Пора, – хрипло произнёс мой новоиспечённый муж. – Я думал об этом всю церемонию венчания... Больше терпеть не намерен.

Я кивнула, продолжая изображать стыдливость, и позволила ему вести. Разрешила растегнуть крючки на платье, снять его с плеч. Шёлк скользнул по коже, упал к ногам. Под ним – лишь тонкая сорочка, почти прозрачная в свете камина.

– Прелестно, – выдохнул Ховард, проводя ладонью по моей груди. – Просто прелестно.

Я закрыла глаза, отсчитывая секунды. «Это не продлится вечно». Его прикосновения оказались грубыми, жадными. Далёкими от моих воспоминаний о молодых любовниках. Ховард торопился, словно боялся, что я исчезну. Или что действие порошка для мужской силы прекратится – что более вероятно. Грубые пальцы герцога сжали плечо, губы прижались к моей шее.

Он развернул меня к кровати и буквально ткнул лицом в простынь, принуждая упасть на колени. Отдаться.

Унизительно.

Сжав челюсть, я принялась перечислять всех, кого ненавидела в этот момент. И радоваться... тому, что скоро всё закончится.

Сорочка поднялась к талии, оголяя бёдра, а жадные прикосновения направили Ховарда к главному. Но в тот момент, когда он вошёл – резко, без нежности, – я почувствовала, как тело герцога содрогнулось. Я повернула лицо, желая видеть последние секунды. Ховард замер на мгновение, его глаза расширились, а рот приоткрылся в беззвучном крике. Затем хватка ослабла, руки безвольно упали, и герцог рухнул на меня всем весом.

В покоях наступила тишина.

Только треск поленьев в камине и далёкий вой ночной птицы за окном. Я аккуратно выскользнула из-под тела, поправила волосы, разгладила складки на простыне. Взгляд скользнул к окну – луна всё так же холодно смотрела вниз, будто ничего и не случилось.

Секунду я стояла неподвижно, прислушиваясь к дыханию... Ни хрипов, ни судорог – яд сработал безупречно. Жаль, что бывший герцог Дома Алмазов не решил начать с поцелуя... Тогда мне не было бы столь мерзко. Но цель оправдывала средства.

Поднявшись, я подошла к умывальнику, смочила полотенце и вытерла следы на коже. Губы, покрытые ядом, размазанные следы вещества на бёдрах и выше... Каждое движение получалось чётким, выверенным. Затем накинула халат и завязала пояс.

У кровати я остановилась, рассматривая лицо Ховарда. Даже в смерти оно сохраняло властное выражение, будто он всё ещё пытался что-то приказать. Морщина между бровей так и не разгладилась, губы остались плотно сжатыми – наверное, он до последнего мгновения не мог поверить, что его могущество оказалось столь хрупким.

– Прощай, муж мой, – прошептала я, и в голосе не прозвучало ни капли скорби, лишь холодная констатация факта. – Ты сослужил свою службу.

Я провела кончиками пальцев по его щеке – кожа уже начинала остывать. В этом прикосновении не было нежности, только проверка: окончательно ли ушло из тела тепло жизни. Да, всё кончено. Теперь оставалось лишь разыграть следующий акт.

И нет, я не была бесчеловечной, жестокой, бесстрастной... Я просто хотела выжить. Далеко не всем это удавалось в Империи, пережившей переворот. В Империи, переименованной захватчиком и предателем...

После всех положенных обрядов, венчания и консумации я становилась полноправной вдовой. Наследницей титула, земель и состояния Дома Алмазов. Мысль об этом вызывала не ликование, а лишь холодное удовлетворение – как от идеально решённой математической задачи.

Я подошла к золочённому колокольчику на мраморной подставке и трижды ударила им о бронзовую чашу. Звук получился резким, тревожным – так бьёт набат, возвещая беду.

Через мгновение дверь приоткрылась, и в спальню проскользнула служанка – молодая, пугливая, с глазами, расширенными от страха. Она застыла на пороге, переводя взгляд с безжизненного тела герцога на моё невозмутимое лицо.

– Приведите лекаря, – приказала я твёрдо, но без крика. – Его светлость плохо себя чувствует. Похоже, у него случился удар.

Она судорожно кивнула, едва не упав в реверансе, и выбежала прочь, так поспешно, что юбка платья зацепилась за резную ножку кресла. Послышался треск рвущейся ткани, но девушка даже не остановилась – страх гнал её вперёд.

Я села у камина, подобрала уголёк щипцами и бросила в огонь. Пламя вспыхнуло ярче, на краткий миг осветив комнату золотистыми отблесками. Тени, что прятались в углах, отступили ещё дальше, признавая власть хозяйки этих покоев.

Теперь я – леди Мелиса Жаккард. Богаче. Знатнее. Свободнее. Незамужнюю статс-даму можно обвинять и подчинять, а вдову... Вдова вольна распоряжаться дальнейшей жизнью самостоятельно. Она может вести дела, заключать союзы, влиять на политику – и всё это без необходимости делить постель и власть с супругом.

Взгляд упал на шкатулку с остатками яда. Я поднялась, подошла к ней и аккуратно закрыла крышку, проведя пальцем по резному узору. Она – как напоминание: в этом мире сила принадлежит тем, кто умеет просчитывать ходы наперёд.

Достав один из амулетов – подарок кузена, погибшего, но некогда великого, – я положила его внутрь. Кровь Горгон во мне иногда отзывалась лёгким теплом, когда я касалась амулета. Так случилось и на этот раз. Магическое пламя вспыхнуло столь ярко и быстро, что я едва успела отдернуть пальцы. Амулету понадобилась доля секунды на то, чтобы окончательно уничтожить улику. Не осталось даже пепла.

Никто не заподозрит, что смерть герцога была не случайностью, а тщательно спланированным шагом. Никто не догадается, что за маской безутешной вдовы скрывается женщина, которая годами плела свою сеть – и наконец поймала в неё самую крупную добычу.

За окном догорала ночь. Первые проблески рассвета уже пробивались сквозь бархатные шторы, обещая новый день – день, который я встречала не как чья-то жена, а как полноправная хозяйка своей судьбы.

Едва я успела опуститься в кресло у камина, как дверь с грохотом распахнулась. В спальню ворвался лекарь Гоутус – седовласый, с трясущимися руками, в помятом халате, наспех наброшенном поверх ночной сорочки. За ним следовали два помощника с медицинскими сундучками и гвардейцы во главе с капитаном.

Среди них я сразу заметила его – Лирена. Совсем юный, только-только перешагнувший порог совершеннолетия, с ещё не оформившимися чертами лица и этими пронзительно-голубыми глазами, в которых читалась вся гамма чувств: тревога, страх, облегчение, что я цела, и – да, это было очевидно – глубокая, почти детская влюблённость. Между нами было больше, чем просто поцелуи. Лирен являлся моим последним любовником – тайным, страстным, опасным. Несколько ночей украденных встреч в тени дворцовых колоннад, шёпот обещаний, которые я не собиралась выполнять, его горячие губы на моей шее...

Сейчас он стоял, сжимая рукоять кольца, и взгляд его метался между мной и телом Ховарда на кровати. Я едва заметно покачала головой – не сейчас. Лирен понял, сглотнул и отступил на шаг назад, но глаза его продолжали следить с тревожной заботой.

– Отойдите от тела! – неожиданно громко рявкнул Гоутус, протискиваясь к кровати. Его помощники тут же принялись раскладывать инструменты. – Дайте пространство, во имя всех святых! Старых Богов и Единого!

Лекарь склонился над Ховардом, проверил пульс на шее, приподнял веко, послушал сердце. Движения резкие, нервные – он понимал, что дело нешуточное. Помощники замерли

рядом, готовые подать нужный инструмент. Один из них, совсем молодой парень, нервно сглотнул, когда Гоутус перевернул тело герцога.

– Сердечный приступ, – наконец произнёс Гоутус, выпрямляясь. – Внезапный, молниеносный. Такое случается с людьми в возрасте, особенно после... э-э-э... физической нагрузки. Никаких следов насилия или отравления не обнаружено.

Я вздрогнула, будто от шока и боли осознания, и прижала ладонь ко рту.

– Как?.. – прошептала я, и голос действительно дрожал – отчасти от искусной игры, отчасти от напряжения последних часов. – Но он был здоров... Мы только... Мы... Он успел...

Я закрыла лицо руками, плечи затряслись в притворных рыданиях. Слезы не шли – я слишком хорошо контролировала себя, – но судорожные всхлипы получались убедительно.

В этот момент в дверях появилась ещё одна группа гвардейцев, а за ними – сам император Безил Первый и императрица Париса.

Безил, высокий и грузный, с багровым лицом и сверкающими яростью глазами, так контрастирующими с его белоснежными волосами истинного северянина, вломился в комнату, как разъярённый бык. Его ночной колпак сбился набок, а мантия волочилась по полу.

– Что здесь происходит?! – прогремел он. – Мне доложили, что герцог Жаккард...

Он замолчал, увидев тело на кровати, и побагровел ещё сильнее.

– Мерзавцы! – Император ударил кулаком по стене. – Заговор! Отравление! Это дело рук врагов Империи! Кто последний видел его живым? Говори, женщина! – Он резко повернулся ко мне.

– Безил, успокойся, – тихо произнесла Париса, беря мужа за руку. Её полный доброты глаза встретились с моими, и в них я прочла молчаливое: «Держись». Подруга всегда умела понимать меня без слов. – Уберите лишних, – приказала она гвардейцам. – Оставьте только лекаря и его помощников. Тело... подготовьте к погребению. И принесите леди Жаккард успокоительного отвара. И нюхательную соль.

Капитан гвардии кивнул и начал выпроваживать любопытных слуг и придворных, столпившихся в коридоре. Среди них я заметила несколько фрейлин – они перешёптывались, прикрывая рты ладонями, бросая на меня любопытные взгляды. Одна из них, леди Эвелина, бывшая соперница во всех придворных интригах, не скрывала злорадной улыбки.

Лирен задержался дольше остальных, бросив на меня последний обеспокоенный взгляд. Я указала взглядом на дверь, и он кивнул, но я заметила, как пальцы молодого человека сжались на манжете мундира.

Гоутус выпрямился и поклонился императору.

– Ваше Величество, – произнёс он официальным тоном, – я тщательно осмотрел тело герцога Ховарда. Никаких следов насилия или отравления не обнаружено. Признаки указывают на внезапную остановку сердца. Возраст покойного, стресс от брачной ночи... Всё это могло спровоцировать приступ.

Безил сжал кулаки, но под взглядом нелюбимой жены немного остыл. Париса всегда сглаживала углы его непростого характера.

– Хорошо, – он махнул рукой. – Раз уж так вышло... Завтра обсудим детали наследования. Дом Алмазов не должен остаться без главы.

– Дом Алмазов перейдёт к законному наследнику – сыну герцога от первого брака, – спокойно уточнила Париса, не отрывая взгляда от меня. – Леди Мелиса получит полагающуюся вдове часть состояния.

Внутри у меня всё сжалось. Так и есть – я знала это с самого начала. Титул, земли, влияние – всё достанется законному наследнику. Мне же останется лишь часть денег, достаточная для комфортной жизни, но недостаточная для реальной власти.

«Значит, придётся строить всё заново», – мелькнуло в голове. Мысль не испугала – скорее, раззадорила. Деньги не имели значения. Главное – свобода. Лишь её я и хотела.

– Как ты, дорогая? – Париса подошла ко мне и взяла за руки. – С тобой всё в порядке? Герцог не обидел тебя?

Я покачала головой, стараясь выглядеть потрясённой, но не сломленной.

– Нет, он... он был вежлив, – я сглотнула. – Всё произошло так внезапно. Я даже не успела ничего понять.

Император фыркнул, но спорить не стал.

– Позаботься о ней, Париса, – бросил он. – Завтра утром жду вас обеих в малом зале для обсуждения деталей.

– Конечно, Безил, – императрица кивнула и повернулась ко мне: – Пойдём, Мелиса. Тебе нужно отдохнуть. Выдался тяжёлый день. А твоя комната... – она осеклась, кинув взгляд на моё остывшее брачное ложе, – несколько непригодна, пока здесь всё не приберут.

– Как скажешь, – я поклонилась подруге, но та жестом велела прекратить и, подхватив меня под локоть, вывела из спальни.

Мы шли по тёмным коридорам дворца, и лишь редкие факелы отбрасывали дрожащие тени на стены, ещё хранившие следы пожара... Недавний переворот не прошёл гладко. И люди, и сам дворец оставили его следы в своей памяти. Париса держала меня под руку, но её пальцы сжимали мой локоть – не поддерживающе, а удерживая.

– Мелиса, – позвала она, когда мы остались одни в боковой галерее, – ты знаешь, что я люблю тебя как сестру. Но я... догадываюсь.

Я замерла, но не обернулась.

– О чём ты, Ваше Величество?

– Не притворяйся, – она вздохнула. – Я видела, как ты смотрела на Ховарда во время церемонии венчания. Как избегала его прикосновений. Ты не могла вынести одной мысли о навязанном браке со стариком.

– И что с того? – я наконец повернулась. – Разве это преступление – не желать старого, властного мужа?

– Нет. Но смерть... – Париса понизила голос до шёпота. – Ты сделала это?

Я выдержала её взгляд. Не дрогнула, не отступила.

– Если и сделала, то лишь для того, чтобы остаться собой. Чтобы не превратиться в игрушку при дворе. Разве ты не понимаешь?

Париса долго молчала, изучая моё лицо.

– Понимаю, – наконец сказала она. – И не осуждаю. Но будь осторожна. Безил подозрителен. Он может начать расследование.

– Он ничего не найдёт, – я слегка улыбнулась. – Я продумала всё до мелочей.

– Я верю. Но помни: я на твоей стороне. Всегда.

Она сжала мою руку, и в этом жесте чувствовалось больше поддержки, чем во всех словах.

Выйдя к главным залам, за которыми находились гостевые покои – моё временное пристанище после «инцидента» в собственных комнатах, – мы без удивления прошли мимо столпившихся. Дворец редко когда засыпал окончательно. Ночная жизнь являлась едва ли не главной его стороной. Интриги, свидания, покушения – всё это проворачивалось после захода солнца. И в старые времена, и в новые...

Кивнув одной из фрейлин, но взглядом попросив оставить нас наедине, Париса повела меня дальше.

Тишина залов казалась искусственной. Голоса раздавались едва заметно, но с неумолимостью выводов. Слухи разлетались быстрее модных шляпок в салоне мадам Бужет. За нашими спинами шептались. Слуги, фрейлины, младшие придворные – все обсуждали случившееся.

– Говорят, герцог умер прямо в брачную ночь, – громко шептала леди Биатрис своей подруге, не стесняясь, что я могу услышать. – Какое несчастье! Хотя... кто знает, может, это благословение. Мелиса всегда казалась слишком хорошенькой для него.

– Тише! – одёрнула её другая фрейлина. – Она же идёт мимо!

– И что? – Биатрис высокомерно вскинула подбородок. – Пусть слышит. В конце концов, теперь она всего лишь вдова с небольшой пенсией. Дом Алмазов ей не достанется.

Её смех звенел у меня за спиной. Пусть говорят. Пусть завидуют. Пусть недооценивают.

Один из придворных магов, старый Жозеф, покачал головой и пробормотал себе под нос:

– В этом дворце слишком много тайн. И слишком мало честных людей.

Париса, морщась от грязных сплетен, молча вела меня дальше, мимо портретов предков нового императора, мимо ваз с увядшими цветами – символов уходящей эпохи. Когда-то в этих залах были совсем другие лики... но их стёрли не только из дворца, но и из всех средств информации. Пройдут десятилетия, и никто не вспомнит, как выглядела истинная власть...

– Завтра будет сложный день, – Париса покачала головой. – Придворные начнут делить влияние, Безил будет искать виноватых. Тебе нужно оставаться сильной.

– Я буду, – ответила я, и в этот раз голос не дрогнул. – Я готова ко всему.

– Не сомневаюсь, – Париса вымученно улыбнулась. – Но помни: ты не одна. Если понадобится помощь, если почувствуешь опасность, обращайся сразу ко мне.

Спорить я не собиралась. Хоть и знала, что истинной власти императрицы нет.

Мы вошли в гостевые покои. Служанки уже суетились, готовя ванну и раскладывая нюхательные соли и свежую одежду. Увидев нас, девушки замерли в реверансах.

– Оставьте нас, – приказала Париса. – И никого не впускайте.

Когда дверь за служанками закрылась, императрица подошла к окну и одёрнула штору. Первые лучи рассвета окрасили небо в бледно-розовые тона.

– Расскажи мне всё, – с тихой мольбой попросила она, поворачиваясь ко мне. – От начала и до конца. Я должна знать правду, чтобы помочь.

Я вздохнула и опустилась в кресло у камина. Огонь почти догорел, остались лишь тлеющие угли – как и мои последние остатки самообладания.

– Я начала готовиться за полгода, – заговорила, глядя на угасающее пламя. – Нашла торговцев из Земли Кобылицы. Их яды действуют мгновенно и не оставляют следов. Принимала микродозы месяцами, приучая организм. Рассчитала всё до секунды.

Париса слушала молча, не перебивая. Лишь её пальцы, теребившие край мантии, выдавали волнение.

– Ты понимаешь, что если это выйдет наружу... – начала она.

– Понимаю, – перебила я. – Но я продумала каждую деталь. Никто ничего не докажет. Лекарь подтвердил сердечный приступ. Никаких следов насилия. Всё выглядит естественно. Остатки яда я уничтожила артефактом Дома Глубин.

Императрица подошла ближе и опустилась на корточки рядом с моим креслом. Взгляд миндалевидных светло-голубых глаз казался особенно печальным.

– Мелиса, – её голос стал совсем тихим, – ты стала другой. Раньше ты плела интриги, но никогда не шла на такое... радикальное решение.

– Раньше у меня не отнимали свободу, – я упрямо подняла подбородок. – Брак с Ховардом означал конец моей независимости. Он бы контролировал каждый мой шаг, каждое слово. Я бы превратилась в красивую куклу при дворе. Или и того хуже – ссыльную жену в одном из его дальних имений.

Париса вздохнула и поднялась.

– Что ты планируешь дальше? Дом Алмазов перейдёт к его сыну. Тебе останется лишь часть состояния.

– Именно, – я выпрямилась. – И это освобождает меня. Я стану невидимкой для многих. Меня перестанут бояться, перестанут видеть угрозой. А значит, я смогу действовать свободнее.

– Действовать? – Париса приподняла бровь. – В каком смысле?

– У меня есть планы, – я улыбнулась уголком рта. – Давно созревшие, но требующие свободы и ресурсов. Теперь у меня будет и то, и другое.

Говорить о том, что мне хотелось бы помогать простому населению, я не стала. Как бы ни были прочны наши дружеские узы, но Париса оставалась верна семье. Безилу. Но именно он убил всех, кого когда-то любила я...

Париса задержала на мне долгий взгляд, а после покачала головой. Не осуждая, но предупреждая.

– Иногда ты меня пугаешь, подруга...

Я вздрогнула, не ожидая подобного. Париса страдала каждый день и без моего участия. Мы обе потеряли слишком многое, но если свои потери я могла оплакать, возведя некогда живым людям постаменты хотя бы в собственном сознании и памяти, то Париса теряла себя... И любовь тирана, именуемого императором.

– Прости... – слетело с моих губ.

И я не знала, у кого именно прошу прощения. У себя, Империи или у несчастной императрицы.

Глава 2

На следующий день я надела строгий траур – чёрное платье с высоким воротом, кружевная вуаль, скрывающая лицо. Ткань оказалась тяжёлой, почти давящей, но это соответствовало моменту. В зеркале я видела не себя, а безупречную вдову: бледную, скорбящую, с потухшим взглядом. Идеально.

Но как же хотелось просто остаться собой. Той, что не хочет интриг. Не хочет всей этой боли. Я не имела права носить траур по кузену Андроклесу, по его жене Оливии, по остальным дальним родственникам и прежним друзьям... Их признали преступниками Империи. Их устранили, казнили, повесили или просто затоптали в ночь восстания...

Я не имела права даже вспоминать их имена вслух. Ведь Андроклес – император Империи Горгон, ныне названной Безилом Империей Солнца, согласно его Дому, – должен был войти в новую историю как сумасшедший, решивший разрушить и государство, и весь материк Солтэйра. А я... Меня пожалели как дальнюю ветвь и как подругу нынешней императрицы, а ныне статс-дамы. Я отреклась от своего Дома Горгон. От памяти по усопшим. От всего, во что верила и что чтילה. Но лишь на словах.

И только из-за слёз Парисы – подруга рыдала, хватая меня за ладони и край платья, прося не бросать её в этом новом жестоком мире придворных интриг. Не уходить вслед за умершими, не покидать континент вместе с выжившими отступниками и не перечить Безилу, покорно оставаясь рядом.

И я согласилась на эту сделку со своей совестью. На время.

Вздыхнув, я постаралась взять себя в руки, отринуть тягостные воспоминания, ведь за дверью послышались шаги, а после – короткий, формальный стук.

Париса пришла за мной лично. Она тоже облачилась в траур, но её наряд выглядел менее формальным – тёмно-фиолетовое платье с серебряной вышивкой, подчёркивающее статус, но не перетягивающее внимание на себя.

– Ваше Величество, – я изобразила идеальный реверанс.

– Не стоит, – болезненно выдохнула Париса. – Ты готова, дорогая?

– Настолько, насколько это возможно, – ответила я, поправляя вуаль.

Она кивнула, и гвардейцы, остававшиеся наготове около дверей, распахнули их, позволяя императрице и безутешной герцогине Жаккард выйти в главный коридор восточной части дворца.

Мы шли по дворцовым коридорам, и каждый шаг отдавался эхом в тишине. Слуги расступались перед нами, склоняя головы. Где-то вдалеке слышались шёпоты:

– Говорят, леди Жаккард получила всё...

– Нет, наследник – сын герцога. Ей достанется лишь часть состояния.

– А вдруг это она?..

Я не обернулась. Пусть шепчутся. Чем больше слухов, тем меньше веры в правду.

– Ты слышишь их? – Париса позволила себе едва заметную эмоцию – искривила уголок губ, стараясь оставаться беспристрастной, как и подобает её статусу.

– Не больше, чем ветер за окном, – глухо отозвалась я, выстраивая иллюзорную броню.

Она кивнула, и мы вышли за поворот, остановившись перед огромными резными дверями. Двое караульных в парадных мундирах тут же склонились перед монаршей особой и чётко выверенными движениями распахнули тяжёлые створки, пропуская сначала императрицу, а после – на благочестивом отдалении для статс-дамы – и меня.

Главный зал был полон. Придворные собрались у стен, образуя живой коридор. Среди них я заметила леди Эвелину (даже удивительно, сколько в ней прыти, если требуется перемещаться по дворцу так, чтобы подхватывать все сплетни разом) – она демонстративно отверну-

лась, но я успела поймать её злорадный взгляд. Рядом с ней стоял старый маг Кордон, хмуро разглядывающий меня из-под кустистых бровей.

У трона, в центре зала, нас уже ждали: император Безил, хмурый и величественный в пурпурной мантии, Эдриан Жаккард – бледный, с покрасневшими глазами, – и нотариус Дома Алмазов с массивным свитком в руках.

Безил поднял руку, и гул голосов стих.

– Мы собрались здесь, – его голос раскатился по залу, – чтобы огласить последнюю волю покойного герцога Ховарда Жаккарда, приближённого императора и главы Дома Алмазов. Пусть его душа найдёт покой, а его решения будут исполнены в точности.

Нотариус шагнул вперёд, развернул свиток и начал читать:

– «Я, Ховард Жаккард, герцог Дома Алмазов, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, завещаю...»

Я слушала внимательно, отмечая каждую деталь. Эдриан стоял прямо, но пальцы его слегка дрожали. Париса, замершая рядом со мной, незаметно сжала мой локоть – знак поддержки.

– «...всё недвижимое имущество, земли, титулы и активы Дома Алмазов переходят к моему единственному законному наследнику, Эдриану Жаккарду».

Лёгкий вздох пробежал по залу. Кто-то разочарованно переглянулся, кто-то облегчённо выдохнул. Леди Эвелина поджала губы – видимо, рассчитывала на большее для меня, чтобы потом громче осуждать.

– «...леди Мелисе Жаккард, моей супруге, если так случится, что я уйду в Вечность раньше неё, я завещаю годовое содержание в размере десяти тысяч золотых, фамильные драгоценности моей покойной первой супруги и особняк в старом городе».

Я мысленно хмыкнула, отмечая оговорку в завещании бывшего мужа: «Он ещё надеялся на то, что я слягу в могилу раньше него». Весьма самонадеянно.

Нотариус сделал паузу – теперь уже все смотрели на меня. Я опустила глаза, будто смущённая щедростью мужа. Хотя на деле эти условия оказались мне на руку: достаточно, чтобы не бедствовать, но недостаточно, чтобы привлекать лишнее внимание.

– Кроме того, – продолжил нотариус, – леди Мелиса получает право распоряжаться личными инвестициями герцога в торговых компаниях Восточного побережья. Сумма составляет пять тысяч золотых ежегодно.

Эдриан слегка напрягся. Он явно не знал об этом пункте. Наши взгляды встретились – в его глазах покоился немой вопрос. Я склонила голову в молчаливой благодарности.

– Есть ли у кого-либо возражения? – громко спросил Безил.

Тишина. Никто не осмелился выступить против воли покойного.

– В таком случае, – император хлопнул в ладоши, – завещание вступает в силу. Лорд Эдриан, примите титул герцога Дома Алмазов. Леди Мелиса, вы свободны распоряжаться своим наследством.

Эдриан склонил голову перед Безилом.

– Благодарю, Ваше Величество. Я сделаю всё, чтобы оправдать доверие отца. – Он повернулся ко мне: – Леди Мелиса, надеюсь, мы сможем сохранить добрые отношения. Дом Алмазов всегда готов помочь вам, если потребуется.

– Благодарю вас, герцог, – я склонила голову. – Ваша забота трогает меня.

Конечно, его слова являлись пустой формальностью. Вдова не нужна влиятельному Дому. Оставалось надеяться, что и устранять меня Эдриан не захочет.

В этот момент к нам подошёл капитан гвардии и тихо произнёс:

– Ваше Величество, там... молодой гвардеец настаивает на встрече с леди Жаккард. Утверждает, что это срочно.

Безил нахмурился:

– Гвардейцы не должны беспокоить дам без причины. Но раз уж он так настаивает... Пусть войдёт.

Я нахмурилась. Подобный поворот пахивал скандалом.

Через мгновение в зале появился Лирен. Он выглядел бледнее обычного, форма сидела неровно – видно, торопился. Его глаза сразу нашли меня в толпе.

– Леди Жаккард, – он сделал шаг вперёд и, к моему удивлению, опустился на одно колено. – Прошу прощения за вторжение, но я должен был убедиться, что с вами всё в порядке. Среди слуг замечены противоречивые слухи. Говорят о возможных недругах вашей светлости. Особенно когда вы... остались в уязвимом положении.

По залу пробежал шёпот. Леди Эвелина прикрыла рот рукой, чтобы скрыть усмешку. Придворный маг покачал головой, бормоча что-то о «несоблюдении протокола». Эдриан поднял бровь, явно оценивая ситуацию. Париса слегка улыбнулась – она всё поняла.

– Вы очень заботливы, гвардеец, – я намеренно не стала обращаться к нему по имени. – Со мной всё хорошо. Благодарю за беспокойство.

– Я... – Лирен запнулся, но продолжил: – Я просто хотел сказать, что если вам что-то понадобится, я всегда к вашим услугам.

Безил скривился:

– Довольно, юноша. Вдовствующая герцогиня Жаккард не нуждается в защите гвардейцев. В моём дворце никому нет угрозы. Ступай на пост.

Лирен поднялся, бросил на меня последний взгляд и отступил. Но я заметила, как он задержался у двери, будто надеясь, что я позову обратно.

Леди Эвелина, не скрываясь, обратилась к Кордону:

– Какая трогательная сцена! – её голос звенел ядом. – Вдова в трауре и юный рыцарь, готовый броситься в бой. Как в дешёвой балладе.

Кордон лишь хмыкнул:

– Юность и страсть слепы, леди. Но время лечит и то, и другое.

Двое придворных за их спинами перешёптывались:

– Думаешь, между ними что-то было?

– О, несомненно. Видел, как он на неё смотрел?

– Бедная вдова. Теперь ещё и эта история...

– На этом церемония окончена, – объявил император. – Пусть память о герцоге Ховарде Жаккарде останется в наших сердцах.

Придворные начали расходиться, перешёптываясь. Эдриан подошёл ко мне:

– Мелиса, – тихо позвал он, – если вам понадобится помощь с оформлением документов или... чем-то ещё, обращайтесь напрямую ко мне. Я понимаю, что это непростое время для вас.

– Спасибо, герцог, – я кивнула. – Я учту ваше предложение.

Он помедлил, словно хотел сказать что-то ещё.

– Отец не был лёгким человеком, – наконец произнёс Эдриан. – Но он уважал силу. Думаю, он бы одобрил ваш выбор – остаться независимой.

Я подняла брови:

– О чём вы говорите, герцог?

– О том, что вы не выглядите сломленной, – он слегка улыбнулся. – И это вызывает уважение.

Я слышала в его словах намёк на большее. Но не видела угрозы разоблачения – по всей видимости, наследник был рад наконец обрести власть. И потому решила не продолжать престранный разговор.

Мы формально раскланялись, закрывая и эту, и последующие темы.

От размышлений уберегла подошедшая подруга. Париса привычно взяла меня под руку:

– Пойдём, дорогая. Тебе нужно отдохнуть.

– Как скажешь... – смотря в спину Эдриана, машинально согласилась я.

Мы вышли из зала, оставив позади шёпоты, взгляды и тени прошлого. Я чувствовала, как тяжесть траурного платья понемногу отпускает.

– Он подозревает, – заметила Париса, когда мы оказались в более тихом коридоре.

– Кто? Эдриан? – я усмехнулась. – Возможно. Но подозрения без доказательств – всего лишь слова.

– А гвардеец? – подруга приподняла бровь. – Этот мальчишка. Он влюблён в тебя по уши.

– Это досадно, – вздохнула я. – Юная страсть опасна своей искренностью. Он может создать мне много проблем, даже если не желает этого.

Париса остановилась и чуть наклонилась к моему уху:

– Ты должна с ним поговорить. Честно. Пока это не вышло из-под контроля.

– Конечно. Давно пора, – я пожала плечами так, будто собиралась не прекратить отношения, разбивая этим очередное сердце, а поменять модистку.

Париса протяжно выдохнула и потёрла виски, пытаясь сбросить головную боль. Мигрени часто мучили её слабое до болезней тело.

– Иногда мне кажется, Мелиса, что вместо твоего сердца за рёбрами лежит камень.

– Нет, там цветок. Тот, что кладут на могилу родных.

Позже, в саду, распрощавшись с печальной Парисой, я нашла Лирена. Он стоял у фонтана, сжимая и разжимая кулаки.

– Вы хотели поговорить со мной, миледи? – он обернулся, стараясь выглядеть спокойным, но небесные глаза выдавали волнение.

– Да, Лирен, – я подошла ближе. – Нам нужно прояснить кое-что.

Он поднял на меня взгляд – такой открытый, такой юный. В нём горела сотнями звёзд вся его привязанность, вся тревога за меня. И в этот момент я осознала, насколько хрупким может быть это чувство – и насколько опасным для моей жизни.

– Я знаю, что ты беспокоишься, Лирен, – я сделала паузу, подбирая слова. – И я ценю это. Правда. Но сейчас ты поставил меня в очень сложное положение.

Он опустил взгляд, сжал кулаки ещё сильнее.

– Простите, леди Мелиса. Я не хотел... Я просто не мог сидеть на посту, когда вы... После всего, что произошло. Страх за вас затмил мой разум и истончил все условности, стоило услышать грязные сплетни в ваш адрес.

– Понимаю, – я слегка коснулась его рукава, и юноша вздрогнул от этого прикосновения. – Но ты должен понимать: твоё поведение сегодня – коленопреклонение перед всеми придворными – это подарок для моих врагов. Леди Эвелина уже строит на этом новые сплетни.

Лирен покраснел до корней волос. Бледное лицо пошло пятнами.

– Я не подумал...

– Вот именно, – мягко перебила я. – Ты не подумал. А должен был. Ты гвардеец императора, а не рыцарь при вдовствующей леди.

– Но я хочу быть рядом с вами! Хочу защищать, служить вам...

Я вздохнула и отошла на шаг, увеличивая дистанцию – как физическую, так и эмоциональную.

– Служить Империи – вот твоя обязанность, Лирен. Не важно, как она теперь называется... – добавила я неразличимым шёпотом, но после вновь повысила голос: – И если ты действительно хочешь помочь мне, делай это незаметно. Без демонстративных жестов, без публичных проявлений преданности.

Он сглотнул, пытаясь осознать сказанное.

– Вы хотите, чтобы я делал это тайно?

– Именно. Видимая отстранённость – лучшая защита для нас обоих. Если кто-то заподозрит связь между нами... – я не договорила, но Лирен понял.

– Они могут навредить вам, – прошептал он.

– И тебе тоже, – добавила я. – Ты молод, перспективен. Не стоит губить карьеру из-за... из-за чувств, которые могут оказаться мимолётными.

Лирен выпрямился, в глазах мелькнула решимость.

– Мои чувства не мимолётны, леди Мелиса. Но я выполню вашу просьбу. Буду рядом, но незаметно. Буду защищать, но так, чтобы никто не догадался.

Я кивнула, чувствуя странное сочетание облегчения и тревоги.

– Спасибо, Лирен. Это всё, о чём я прошу.

Он поклонился – на этот раз правильно, по уставу, без лишних эмоций:

– Разрешите идти на пост, миледи?

– Да, – улыбка вышла кривой. – И будь осторожен.

Когда он ушёл, я ещё несколько минут стояла у фонтана, наблюдая, как солнечные блики играют на поверхности воды. В голове крутились слова Эдриана о том, что отец уважал силу. «Интересно, что бы сказал покойный герцог, узнав, насколько я стала сильнее после его смерти?»

Я развернулась к фонтанной части сада и побрела по аллеям, надеясь не только найти успокоение, но и поддержать видимость печали вдовствующей герцогини.

Париса нашла меня здесь спустя четверть часа.

– Ну что, поговорила? – спросила она, подходя ближе.

– Да. Он будет осторожнее. По крайней мере, постарается.

– Хорошо, – Париса оперлась на мраморную ограду фонтана. – А теперь давай поговорим о более насущных делах. Эдриан предложил помощь не просто так. Он что-то задумал.

– Возможно, – я пожала плечами. – Но пока его предложения мне выгодны. Оформление документов, доступ к архивам Дома Алмазов... Это даст мне возможности, но я не испытываю желания разбираться с бумагами.

Императрица приподняла бровь:

– Ты хочешь отойти от дел?

– Разумеется. Я не желала этого брака и родства с Домом Алмазов. Того, что теперь я вдова, имеющая право не принимать предложения руки и сердца и жить на пособия, – вполне достаточно.

Париса задумчиво кивнула:

– Ты всегда хотела спокойной жизни...

– Как и остальные.

Я не стала продолжать, зная, что воспоминания о моих родных, так вероломно преданных её супругом, неизменно огорчали мягкосердечную Парису. Она и так увядала буквально на глазах, видя пренебрежение Безила и его фриivolности с Ливейрой – второй фрейлиной Парисы. Император настолько пренебрегал необходимостью уважать законную супругу, что появлялся в её покоях лишь для того, чтобы навестить сына – наследника Империи Солнца, принца Мирана. В остальное же время... Безил занимался политикой, успокоением мятежей, преобразованием реформ истории (которую неизменно писали и переписывали победители) и коротал вечера и ночи в объятиях молодой любовницы.

Париса всё видела и понимала. И слабела буквально на глазах.

Заслышав печаль и непролитые слёзы по Дому Горгон в моём голосе, подруга судорожно скомкала кружевной платок.

– Мелиса...

– Не будем об этом, – слишком поспешно попросила я. – Главное, что мы живы. В отличие от герцога Ховарда. Остальное как-нибудь утрясётся.

– Ты сильнее меня, дорогая...

– Это лишь видимость.

Мы помолчали, слушая журчание воды в фонтане. Где-то вдалеке слышались голоса придворных – они продолжали обсуждать оглашение завещания, строить догадки, сплетничать.

– Пойдём, – Париса мягко подтолкнула меня ко дворцу. – Тебе нужно отдохнуть. Завтра начинаются настоящие испытания. Эдриан не из тех, кто отдаёт власть без борьбы. А леди Эвелина уже наверняка плетёт новые интриги.

– Пусть плетёт, – я расправила плечи. – Всегда можно найти новый яд.

Париса испуганно шикнула на меня, прося замолчать.

И мы направились к дворцу, оставляя позади сад и брызги фонтанов. Впереди ждали новые союзы и новые предательства, тайны и разоблачения – но впервые за долгое время я чувствовала себя хозяйкой собственной судьбы. Не пешкой в чужой партии, а игроком, способным менять правила. И я была готова сделать первый ход.

Глава 3

Прошла всего неделя с того дня, как я стала вдовой герцога Жаккарда. Неделя свободы – и целая жизнь, переписанная заново.

Всё произошло так стремительно: утром – венчание в соборе, под взглядами придворных и родственников Ховарда; вечером – первая брачная ночь, которая оборвалась так внезапно. Не без моего участия... Всего несколько часов я пробыла женой герцога, но и этого хватило, чтобы ощутить тяжесть его присутствия, его властность, его молчаливое требование соответствовать образу, который он для меня придумал.

А потому распрощаться с тем немногим, что напоминало о Ховарде, оказалось как никогда легко.

Я продала особняк в старом городе – тот самый, что достался мне по завещанию. Дом был хорош: светлые комнаты, зимний сад, библиотека с дубовыми стеллажами. Но он напоминал о столь скоропостижно почившем, о той единственной ночи, о холоде его прикосновений и о том, как я поняла: свобода – это не просто отсутствие цепей, это возможность дышать полной грудью.

Деньги от продажи я разделила: часть положила на счёт в имперском банке небольшого городка к востоку от столицы, под хороший процент, часть спрятала в надёжном тайнике во дворце – на всякий случай. Тайник был хитро устроен: за фальшивой панелью в моей гардеробной, замаскированной под часть декоративной лепнины. Лишь я знала, как её открыть.

Сжав в ладони кулон с изображением Горгоны – то небольшое, если не считать кольца, из фамильных драгоценностей, что мне позволили оставить (а точнее, просто не нашли в лифе моего платья, не опустившись до подобного обыска), – я оглядела комнату. Безликую, удобную новой власти. Даже лепнину успели заменить на изображение Солнца... Всё прежнее – будь то декор, ткани, вышивки или же монеты – всё, связанное с бывшим правящим Домом, Безил приказал уничтожить. Оставить лишь бледную тень воспоминания от прежнего величия Горгон...

Я могла бы уехать в дом Ховарда. Не продавать его. Ведь во дворце я оставалась под присмотром, но... Я не могла оставить Парису.

Император Безил и императрица Париса позволили мне остаться во дворце – формально как подруге Парисы, фактически же... Думаю, Безил подозревал меня в смерти Ховарда и хотел держать под присмотром. Он не скрывал этого: то случайно зайдёт в библиотеку, когда я там, то пришлёт слугу с вопросом, где я была вчера вечером. Однажды я поймала его взгляд – холодный, изучающий, – когда он думал, что я не замечаю. Но доказательств у него не было – и не могло быть. Я продумала всё до мелочей.

А Париса... Париса становилась всё слабее. Ещё недавно цветущая женщина теперь бледнела день ото дня. Её некогда сияющая кожа приобрела сероватый оттенок, под глазами залегли тёмные круги, а руки, когда-то сильные и уверенные, теперь слегка дрожали, когда она брала чашку с чаем. Лекари разводили руками: «Усталость, Ваше Величество. Нужно больше отдыхать». Но я-то знала – это давление Безила, его подозрения, его постоянные вопросы о том, что она знает обо мне и моей роли в смерти герцога.

А ещё оставалась Ливейра, изящная, словно статуэтка из фарфора, с медовыми волосами и глазами цвета лесного ореха. Безил, даже видя душевные страдания супруги, продолжал выставять любовницу напоказ. То пригласит её танцевать на балу, хотя по этикету должен был открыть бал с женой. То оставит её рядом с собой на совете, хотя место фрейлины – позади госпожи. То подарит ей украшение, которое раньше принадлежало Парисе. Весь двор знал – и весь двор молчал.

Однажды я застала Парису в её личных покоях. Она стояла у окна, глядя на сад, и её плечи были опущены так, будто на них лежал невидимый груз.

– Париса? – тихо позвала я.

Она обернулась, и я увидела, как потускнели её глаза.

– Мелиса... – она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла вымученной. – Ты видела, что он подарил ей сегодня? Жемчужное кольцо. То самое, что я надевала на коронацию.

– Он не имеет права, – я подошла и обняла её.

– Имеет, – она покачала головой. – Безил – император. А я... Я просто становлюсь всё слабее. Даже встать утром бывает тяжело.

В тот момент во мне шевельнулось подозрение. Слишком уж совпадали симптомы: усталость, слабость, потеря аппетита. И Ливейра всегда была рядом – подавала чай, помогала с платьем, предлагала новые духи «с чудесным ароматом».

– Париса, ты уверена, что дело только в унижении?

Она посмотрела на меня, и в её взгляде мелькнуло понимание.

– Ты думаешь...

– Я не знаю, – я обняла подрагивающие плечи подруги. – Но я проверю. Обещаю.

Сама я старалась вести себя как можно незаметнее: посещала балы, но не задерживалась допоздна, участвовала в придворных беседах, но не выдвигалась на первый план. Я наслаждалась свободой – прогулками в саду, когда утренняя роса ещё не успела высохнуть на траве, чтением в библиотеке, где пахло старыми книгами и воском, долгими разговорами с Парисой, когда мы могли быть собой, не играть роли.

И лишь одна проблема омрачала моё существование – Лирен. Юный гвардеец не оставлял попыток увидеться со мной, найти повод для разговора, поймать взгляд в толпе придворных. Сначала его внимание льстило – искренняя, безоглядная страсть после краткого, но удручающего брака казалась глотком свежего воздуха. Он смотрел на меня так, будто я была единственной женщиной во всём мире, и в этом взгляде читалась такая чистота, такая вера...

Но со временем его настойчивость начала утомлять. Он не понимал слова «нет», не принимал границ, не видел, что его чувства становятся для меня обузой. Вчера Лирен ждал меня у лестницы в крыло фрейлин, сегодня – у дверей библиотеки, завтра, наверное, появится в саду в тот час, когда я люблю гулять в одиночестве. Его глаза горели, когда он смотрел на меня, а голос дрожал, произнося: «Миледи, позвольте мне хотя бы минуту...»

Так вышло и в этот день...

Я шла по боковому коридору – тому самому, что вёл от личных покоев императрицы к библиотеке. Здесь почти не ходили придворные: слишком узкий проход, слишком тусклое освещение от редких настенных светильников. Только слуги да гвардейцы иногда патрулировали эти места.

Шаги за спиной заставили меня обернуться. Лирен. Ожидаемо, а потому лишь более раздражающе. Он шёл быстро, почти бежал, и остановился в нескольких шагах от меня, тяжело дыша. Его щёки покраснелись, а глаза горели таким огнём, что на мгновение у меня перехватило дыхание.

– Лирен, – я постаралась говорить строго, – ты опять оставил пост?

– Всего на минуту, миледи, – он сделал шаг ко мне. – Я должен был вас увидеть. В последнее время вы словно избегаете наших встреч.

– Ты знаешь, что это опасно, – я отступила к стене, но пространство между нами неумолимо сокращалось.

– Мне всё равно, – Лирен оказался совсем близко, так близко, что я чувствовала тепло его тела, слышала учащённое дыхание. – Я не могу перестать думать о вас ни на секунду.

– Не сейчас, – я поджала губы, выдавая еле сдерживаемое раздражение. – Меня ждут на беседу. Слуги доложили, а именитому гостю его величества не пристало долго ждать простую статс-даму.

– Всего мгновение...

Рука гвардейца коснулась моего запястья – осторожно, почти робко. Но в этом прикосновении было столько сдерживаемой страсти, что по моей коже побежали мурашки.

– Вы не понимаете, – голос юноши стал ниже, хриплее. – Каждый раз, когда я вижу вас в зале, среди придворных, когда вы улыбаетесь кому-то другому... Это словно нож в сердце.

– Лирен... – я попыталась отстраниться, но он мягко удержал моё запястье.

– Нет, выслушайте меня. Я знаю, вы старше, я знаю, что не достоин вас, но... – он сглотнул, и я увидела, как дрожат его губы. – Когда я смотрю на вас, весь мир перестаёт существовать. Только вы. Всегда только вы.

Его пальцы скользнули вверх по моему предплечью, вызывая волну жара. Я должна была остановить его – и не могла. Что-то внутри меня сопротивлялось, твердило о благоразумии, но тело отзывалось на каждое прикосновение, на каждый взгляд, полный такой отчаянной, безоглядной страсти. Слишком давно я не позволяла себе близости с кем-либо. И теперь собственное тело предавало меня.

– Миледи, вы играете со мной, – прошептал Лирен, наклоняясь ближе. – Даёте надежду, а потом отталкиваете. Почему? Почему так давно не звали в свои покои?

– Потому что так будет лучше для тебя, – мой голос прозвучал едва слышно.

– Лучше для меня – быть рядом с вами, – он поднял другую руку и осторожно коснулся моей щеки. – Хоть на мгновение. Хоть на секунду.

Прежде чем я успела ответить, его губы коснулись моих – жадно, отчаянно, без намёка на осторожность. Я на мгновение замерла, а затем ответила на поцелуй, позволяя себе утонуть в этом безумии. Руки Лирена обхватили меня за талию, прижимая к себе так крепко, что я почувствовала биение его сердца – частое, неровное, такое же неистовое, как и его чувства.

Ткань платья зашуршала, когда ладонь гвардейца скользнула вверх по моему бедру, приподнимая подол. Я вздрогнула, но не отстранилась – напротив, прижалась к нему ещё ближе, запуская пальцы в золотистые волосы. Разум кричал, что нужно остановиться, что это безумие, но тело жаждало продолжения.

Рука Лирена двинулась выше, осторожно, но настойчиво, пока не коснулась края кружевного белья. Я судорожно вздохнула, чувствуя, как жар разливается по всему телу. Его пальцы слегка погладили нежную кожу, вызывая волну дрожи, от которой подкосились колени.

– Мелиса... – выдохнул он мне в губы, на мгновение прерывая поцелуй. – Позвольте мне... показать вам, как сильно я вас хочу.

Я хотела возразить, но не нашла сил. Вместо этого я лишь тихо простонала, когда рука скользнула выше, к талии, а затем – к лифу платья. Быстрым, уверенным движением Лирен ослабил шнуровку, и ткань чуть сползла вниз, обнажая плечи и верхнюю часть груди.

Лирен замер на один короткий вдох, заворожённо глядя на открывшееся зрелище. В его глазах плескалось благоговение пополам с необузданным желанием.

– Вы прекрасны... – прошептал он хрипло. – Так прекрасны, что больно смотреть.

Не дожидаясь ответа, он наклонился и припал губами к моей груди – сначала нежно, почти трепетно, затем всё более жадно. Горячий язык очертил контур кружева, а пальцы тем временем продолжали исследовать кожу, скользя по ключицам, по шее, зарываясь в волосы.

– Лирен... – на этот раз мой голос дрожал не от строгости, а от желания. – Мы не должны...

– Должны, – он оторвался от меня лишь на мгновение, чтобы посмотреть в глаза. – Потому что это правда. Потому что мы чувствуем это оба.

Губы вновь смяли мои, ещё более требовательные, ещё более страстные. Ладонь скользнула вдоль спины, притягивая вплотную – так, что я ощутила всю силу его возбуждения. В висках стучала кровь, дыхание сбилось, мир вокруг растворился в вихре ощущений.

– Если кто-то увидит... – попыталась я, но фраза оборвалась стоном, когда пальцы Лирена вновь коснулись чувствительной кожи под кружевом.

– Пусть видят, – выдохнул он. – Пусть знают, что вы – моя.

«Вы – моя», – слова пылкого любовника хлестнули хуже пощёчины. Сознание отчаянно завопило: «Нет! Я не чья-то собственность!»

Отшатнувшись от не осознавшего причину моей холодности Лирена, я собралась отчитывать юнца, но была прервана. Где-то вдалеке послышались шаги и голоса. Мы поспешно отпрянули друг от друга. Лирен тяжело дышал, его взгляд всё ещё казался затуманен страстью, но в нём уже появлялось осознание опасности.

– Слышишь? – я понизила голос. – Кто-то идёт. Уходи. Сейчас же.

– Но...

– Уходи! – я почти приказала. – И помни: если ты действительно заботаешься обо мне, ты будешь осторожен. Не выдавай нас. Не выдавай себя.

Лирен сжал кулаки, смотря на то, как я поспешно оправляю платье и причёску, явно борясь с желанием послушаться. Но потом кивнул – коротко, резко – и сделал шаг назад.

– Я не откажусь от вас, миледи. Никогда.

– Тише, – я прижала палец к его губам. – Иди. И будь осторожен.

Лирен поклонился – на этот раз без лишних эмоций – и быстро зашагал прочь, скрываясь за поворотом коридора.

Я осталась одна, прислонившись к холодной каменной стене. Дыхание всё ещё сбивалось, сердце колотилось где-то в горле. В воздухе витал запах его кожи – пота, металла доспехов и пороха. Я закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь во всём теле и успокоить бурю чувств, бушующую внутри.

«Это ошибка, – подумала я. – Опасная, глупая ошибка». Но где-то глубоко внутри, в самой тёмной части души, я знала: в следующий раз мне будет гораздо труднее его остановить. И, возможно, я не захочу этого делать. Стоило пресечь моветон как можно быстрее.

Прошедшие мимо слуги поспешно поклонились и свернули в восточный коридор, я же, успев привести свой идеально выверенный образ в порядок, но не забывая мысленно проклинать своё тело, оказавшееся слабее разума, направилась дальше. В библиотеке, как было доложено ранее, меня ожидал светский разговор.

Всего несколько переходов по тонким туннелям дворца, проход через крошечный садик, и я толкнула тяжёлые створки малой библиотеки.

Воздух здесь безвозвратно пропитался запахом старой бумаги, кожи переплётов и едва уловимым ароматом лаванды – садовники регулярно раскладывали сушёные цветы между стеллажами, чтобы отпугивать насекомых. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоить неровное сердцебиение после встречи с Лиреном. Его прикосновения всё ещё горели на коже, а в ушах звучал хриплый шёпот.

Я прошла между высокими стеллажами к дальнему окну, где обычно любила читать. Свет падал под нужным углом, не слепил глаза и не заставлял шуриться. Но сосредоточиться на книге, в ожидании собеседника, не успела – шаги за спиной заставили обернуться.

Эдриан стоял у входа, небрежно прислонившись к дверному косяку. На губах играла лёгкая улыбка, но глаза оставались холодными, изучающими. Он был одет с безупречной элегантностью: тёмно-зелёный пиджак с вышивкой на манжетах, чёрные брюки, идеально начищенные ботинки. В руках новоиспечённый герцог крутил тонкую трость с серебряным набалдашником.

– Леди Мелиса, – он выпрямился и сделал несколько шагов вперёд, не отрывая от меня взгляда. – Вы всегда выбираете самые укромные уголки дворца. Будто хотите, чтобы вас искали. Зная это, я счёл нашу встречу в царстве книг идеальной.

– Герцог Эдриан, – я постаралась говорить ровно, ничем не выдавая внутреннего смущения. – Библиотека – место для чтения, а не для игр в прятки. Но я рада, что вы позаботились о моём комфорте.

Он усмехнулся, обходя стеллаж и приближаясь ко мне.

– О, я бы не назвал это игрой. Скорее – увлекательным поиском сокровищ.

– И что же вы ищете? – я приподняла бровь, стараясь держать дистанцию.

– Ответы, – Эдриан остановился в шаге от меня, слишком близко для светского разговора. – И возможности.

Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах, потом опустился ниже – к слегка расстёгнутому вороту платья, где ещё не до конца скрылись следы встречи с пылким юнцом. Я поспешно поправила ткань, чувствуя, как вспыхнули щёки.

– Вы что-то хотели, герцог? – мой голос прозвучал резче, чем я планировала. – Признаться, когда мне доложили о вашем предложении беседы, я была удивлена.

– Всего лишь поговорить, – Эдриан сделал вид, что не заметил моей реакции. – Но, кажется, вы чем-то взволнованы. Случилось что-то?

«Он знает, – мелькнуло в голове. – Или догадывается. Видел меня с Лиреном? Шпионил?»

– Просто устала, – я отвернулась к окну, делая вид, что любуюсь видом сада. – Вчерашний бал оказался утомительным.

«Лучшая ложь та, в которой есть правда». Бал действительно выдался весьма посредственным и скучным.

– Понимаю, – Эдриан подошёл ещё ближе, теперь его голос казался почти шёпотом. – Но дело не только в бале, верно? Вы нервничаете. И это... интригует.

Я резко развернулась:

– Если у вас есть дело, герцог, говорите прямо. Если нет – позвольте мне вернуться к её величеству. Императрице нынче не здоровится.

Эдриан поднял руки в притворном жесте капитуляции, но в глазах сверкнул опасный огонёк.

– Хорошо, буду откровенен. Дом Алмазов заинтересован в укреплении связей с теми, кто близок к трону. Вы, леди Мелиса, оказались в уникальном положении: свободны, умны, влиятельны через дружбу с императрицей... и, что немаловажно, красивы.

– К чему вы клоните? – я скрестила руки на груди, стараясь не показывать, как меня задевают брошенные слова.

– К тому, что вам нужен покровитель. Кто-то, кто защитит вас от подозрений императора, от сплетен двора, от... случайных опасностей. – Эдриан сделал паузу, изменив тон на более вкрадчивый. – Я могу стать таким покровителем. Ведь мы... теперь носим одну фамилию.

«Как удобно, герцог!» – мысленно восхитилась я, понимая, на что именно он намекает.

Я рассмеялась:

– Покровителем? Звучит так, будто я беззащитное дитя, потерявшееся в лесу.

Подобные предложения никогда не вели ни к чему хорошему. «Покровитель» – на это слово, будто на крючок с наживкой, попадались молоденькие фрейлины и служанки из числа приближённых к аристократии. Но итог всегда был печален – либо они тонули в интригах, либо в смятых простынях. Ни того ни другого я не желала.

– О, вы далеко не беззащитны, – Эдриан наклонился ближе. – Но даже самый сильный воин иногда нуждается в союзнике. Особенно когда вокруг плетутся интриги.

– Интриги? – я подняла голову, встречая пытающийся заинтриговать меня взгляд. – Вы говорите загадками, герцог.

– Совсем нет, – он провёл кончиком трости по корешку книги на полке, не сводя с меня глаз. – Например, мне стало известно, что императрице Парисе не просто «не здоровится». Она чувствует себя всё хуже. День ото дня. Лекари разводят руками, а император... он становится подозрительным. Очень подозрительным.

Моё сердце ёкнуло, но я постаралась сохранить невозмутимый вид. Масштаб возможных интриг, в которые собирался окунуть меня сын моего покойного мужа, обретал чудовищные размеры.

– Париса просто устала. Ничего, о чём стоило бы беспокоиться. Она поправится.

– Возможно, – Эдриан пожал плечами. – Но двор любит слухи. И если с императрицей что-то случится... ваше положение может резко измениться. Особенно если кто-то решит, что вы причастны к её болезни. Статс-дама всегда рядом. Всегда вне подозрения. Но лишь у её величества. Не у остальных.

Я сжала пальцы на спинке кресла. Эдриан Жаккард играл со мной, как морской дракон с моллюском на дне, медленно затягивая петлю подозрений.

– Что вы предлагаете? – спросила я прямо.

– Всего лишь дружбу, – его улыбка стала шире. – Защиту Дома Алмазов в обмен на... небольшое содействие. Вы ведь знаете, как много тайн хранит этот дворец. И как важно вовремя поделиться нужной информацией.

– То есть вы хотите, чтобы я шпионила для вас?

– Назовём это взаимовыгодным сотрудничеством, – Эдриан сделал шаг назад, давая мне пространство. – Подумайте над моим предложением. Оно действительно в ваших интересах.

Я выпрямилась, принимая вызов взгляда:

– Благодарю за заботу, герцог, но я справляюсь сама. И не нуждаюсь в покровителях, чьи условия подразумевают предательство.

Эдриан замер, но затем рассмеялся – коротко и сухо.

– Как пожелаете, леди Мелиса. Но помните: предложения, подобные моему, не делают дважды. – Он поклонился, развернулся и направился к выходу. Уже у двери обернулся: – Ах да, чуть не забыл. Передайте привет вашей подруге. Надеюсь, её здоровье скоро улучшится. Было бы очень... прискорбно, если бы случилось обратное.

С этими словами он вышел, оставив после себя едва уловимый запах иланг-иланга и тяжёлое ощущение надвигающейся угрозы.

Я опустила в кресло, сжимая виски. Руки слегка дрожали. Упоминания Эдриана о Парисе не были случайны. Он знал – или догадывался – о её слабости. И намекал, что может использовать это против меня.

После ухода Эдриана я ещё долго сидела в кресле, погружённая в мысли. Его слова эхом отдавались в голове, рисуя мрачные картины возможного будущего. Париса слабеет, двор полнится слухами, а Эдриан явно что-то замышляет. И Лирен... Его страсть, его неосторожность могут стать ещё одной угрозой. Множество мелких деталей, способных утanutь на дно.

Я провела пальцами по резной спинке кресла, ощущая под подушечками замысловатый узор – виноградные лозы и листья, вырезанные с ювелирной точностью. В библиотеке всё дышало вековой мудростью: тяжёлые фолианты на полках, пергаментные свитки в ящиках, глобус с выцветшими очертаниями земель. Но сейчас это не успокаивало. Напротив – казалось, что стены давят, а тени между стеллажами шевелятся, словно живые.

Наконец, собравшись с духом, я покинула пыльное помещение и направилась к своим покоям. Коридоры дворца казались бесконечными: высокие своды, расписанные фресками с батальными сценами, гобелены с выцветшими гербами, канделябры с десятками свечей, отбрасывающих дрожащие блики на мраморные полы. Каждый шаг отдавался эхом, и мне чудилось,

что за мной следят – не только глазами слуг и придворных, но и глазами каменных статуй, застывших в нишах.

По пути я старалась не думать о том, что ждёт впереди, но воспоминания о встрече с Лиреном то и дело всплывали в памяти, заставляя сердце биться чаще. Его губы на моей коже, его руки, скользящие по талии, и шёпот – горячий, отчаянный, полный желания... Я тряхнула головой, отгоняя образы. Нельзя. Это опасно. Для него – особенно.

В своих покоях я первым делом приказала служанке приготовить ванну. Пока вода наполнялась, наполняя комнату влажным теплом и ароматом лаванды, я подошла к зеркалу и внимательно рассмотрела отражение. Щёки всё ещё пылали, а в глазах читалось волнение. Платье, хоть и поправленное, слегка помялось, а локоны выбились из причёски. Я провела рукой по волосам, и в этот момент в памяти вновь вспыхнули прикосновения Лирена.

«Привязанности мне ни к чему», – мысленно повторила я, расплетая волосы. Но даже это простое движение вызывало в памяти его взгляд – голодный, восхищённый, полный обожания. Я жала кулаки, стараясь сосредоточиться на настоящем.

Я погрузилась в тёплую воду, пытаюсь смыть не только следы дневных переживаний, но и жар, который всё ещё разливался по телу. Пена щекотала кожу, аромат масел успокаивал, но мысли не отпускали: Эдриан, Париса, Лирен... Всё было взаимосвязано, и я чувствовала, как затягивается сеть интриг вокруг меня. «Кто-то дёргает за нити, а я – всего лишь кукла в этом спектакле. Но я не позволю собой манипулировать».

Выбравшись из ванны, я облачилась в лёгкую ночную сорочку из тонкого батиста с кружевной отделкой. Ткань скользнула по коже, напомнив о прикосновениях пылкого юноши, и я резко одёрнула себя. Нет. Больше никаких иллюзий. Тело должно получить то, что жаждет, но сердце не имеет права привязываться.

Расправив складки на постели, я подошла к окну. За стеклом раскинулся ночной сад – тёмные силуэты деревьев, серебристые дорожки, фонтан, едва заметный в лунном свете. Где-то вдалеке прокричал одинокий сыч, и этот звук разорвал тишину, подобно предостережению.

У окна я заметила тень – очередной гвардеец, приставленный охранять мои покои. Лирен? Или кто-то другой? Я вгляделась в силуэт. Нет, не он. Широкие плечи, прямая осанка – незнакомый. Он стоял в форменном камзоле ярко-красного цвета с золотой вышивкой на манжетах и воротнике, брюки идеально отглажены, сапоги начищены до зеркального блеска. В полумраке покоев его профиль выглядел чётким и строгим – волевой подбородок, прямой нос, шрам над бровью. Старше либо мой ровесник. Полная противоположность моему светловолосому увлечению. Он застыл неподвижно, будто статуя, но я уловила, как напряглись мышцы, стоило тёмным глазам заметить меня.

– Войдите, – произнесла я негромко, но властно, не дожидаясь ответа.

Гвардеец повиновался, осторожно ступая по ковру, и остановился у порога. Ткань камзола чуть шелохнулась, нарушив тишину. В полумраке покоев его глаза расширились от неожиданности – мужчина явно не был готов к такому повороту. Знатная дама в исподнем... Конфуз или намеренная дерзость?

– Миледи? – произнёс он хрипло, будто потерял дар речи.

Я сделала шаг навстречу. Сорочка зашелестела, обволакивая ноги. Лунный свет упал на моё плечо, осветив кружево, и я увидела, как он сглотнул, не отрывая взгляда.

– Оставайтесь со мной сегодня, – я говорила чётко, без намёков, без игры. – Это не просьба. Это приказ.

Мужчина замер, переваривая услышанное. Во взгляде происходила борьба: долг против здравого смысла, дисциплина против шока. Он явно не ожидал подобного. Но приказ есть приказ.

– Да, миледи, – наконец произнёс выбранный мной гвардеец, склонив голову.

– И запомните, – я приблизилась вплотную, почти касаясь его груди. – Мне не нужна ваша нежность. Не нужна осторожность. Я хочу, чтобы вы забыли, кто я, и помнили только одно: я – женщина, а вы – мужчина. Выполняйте.

Он сглотнул, но кивнул. Теперь взгляд изменился – не обожание, не трепет, а чистая, необузданная страсть, которую больше не нужно было сдерживать.

Я подняла руку и коснулась лацкана камзола – гладкая ткань под пальцами, а за ней – живое тепло. Гвардеец вздрогнул, но не отшатнулся.

– Расстегните камзол, – приказала я. – Немедленно.

Он повиновался без промедления. Пуговицы защёлкали под длинными пальцами, камзол соскользнул с плеч и упал на пол, позволяя рассмотреть простую белую рубашку, натянувшуюся на широких плечах.

– Меня зовут... – пряча взгляд, начал он.

– Я не спрашивала вашего имени.

Подобный отказ от знакомства мог обезличить его в моей памяти и мыслях. И я отчаянно не желала вспоминать ещё одно имя... Нет, я не собиралась множить свои слабости.

Гвардеец кивнул, поняв, что дама не желает разговора.

А я отступила на шаг, позволяя ему оценить открывшуюся картину: тонкая сорочка, едва скрывающая очертания тела, распущенные волосы, упавшие на плечи, взгляд – прямой, требовательный.

– Подойдите, – сказала я.

Он шагнул – не робко, не осторожно, а уверенно, почти резко. Загорелые руки обхватили талию, сжали с силой, от которой перехватило дыхание. Губы нашли мои – не нежно, не ласково, а требовательно, почти грубо.

Возможно, таким образом он наказывал «взбалмошную аристократку», что решила развлечься за его счёт. Вымещал злость и обиду. Но мне было безразлично.

Я закрыла глаза, позволяя себе раствориться в этом вихре. Никаких чувств. Никакой привязанности. Только тело, жаждущее разрядки, и воля, утверждающая свою власть.

Каждое его движение, каждый жест были подчинены приказу – но в них имелась и собственная страсть, давно сдерживаемая, теперь вырвавшаяся на свободу. Этот гвардеец не баловал меня ласками, не искал нежных точек – он брал то, что было предложено, с жадностью и напором, которые я сама вызвала к жизни. Втапливал в мягкую перину, сминал простыни под нашими телами. Словно сражался, с каждым толчком всё более отчаянно выбивая стоны.

Когда всё закончилось, я отстранилась и отступила к окну. Лунный свет очертил мой силуэт, а за спиной раздавалось тяжёлое мужское дыхание.

– Вы свободны, – произнесла я ровным тоном. – Можете идти.

Гвардеец молча поклонился, быстро поднял камзол, накиннул его на плечи и направился к двери. У самого выхода остановился, будто хотел что-то сказать, но передумал. Лишь бросил последний взгляд – теперь уже не удивлённый, а осмысленный – и вышел.

Я осталась одна. В тишине покоев я сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках. Тело успокоилось, разум прояснился. «Любовь мне не нужна», – повторила я про себя. И почти поверила в это.

Глава 4

Утро во дворце встретило меня приятной ломотой в мышцах – последствием позволенного ночью сумасбродства. Я открыла глаза, глядя на узорчатые тени от оконных решёток, пляшущие по потолку. Первые лучи солнца окрашивали комнату в тёплые золотистые тона. В воздухе ещё витал едва уловимый запах табака и пороха – отзвук присутствия гвардейца, чьё имя я запретила произносить.

Я перевернулась на бок, отбросив тонкое покрывало. Тело чувствовало себя непривычно расслабленным, но разум, напротив, оставался ясен и холоден. Ночной порыв не принёс ни облегчения, ни забвения – лишь короткую передышку. А впереди ждал променад с Парисой, до которого оставался всего час.

Несколько минут я лежала неподвижно, прислушиваясь к звукам пробуждающегося дворца: где-то вдалеке слышались шаги слуг, звон посуды, приглушённые голоса. За окном щебетали птицы, и этот простой, обыденный звук вдруг показался мне символом хрупкого равновесия, которое я так старалась сохранить.

Наконец, я поднялась с постели и подошла к окну. Сад внизу оживал: садовники расставляли горшки с цветами, дворцовые коты лениво потягивались на тёплых камнях дорожек. Всё выглядело таким мирным, таким обыденным... И всё же за этой идиллией скрывалась паутина интриг, в которой я запуталась всё сильнее.

Прежде чем готовиться к встрече с императрицей, я подошла к секретеру из тёмного дуба, инкрустированному перламутром. Его поверхность была отполирована до блеска поколениями моих предков, и сейчас на ней играли блики утреннего солнца. Я провела пальцами по замысловатому узору, вспоминая, как в детстве любила разглядывать эти завитки и представлять, что они складываются в карты неведомых земель.

Я всегда любила географию, даже чуть больше политики. Ни одна из дальних ветвей моего дома не имела права на престолонаследие, нам всем – будь то мужчина или женщина – даровалась фамилия Серпенте. Как знак. Как зашифрованное слово из чуждого, позабытого языка. Мы – змеи на правящей голове Горгоны. Но предки никогда не скупились на образование детей. И я была им благодарна.

Я достала лист плотной бумаги с моим личным вензелем в углу – изящной буквой «М», переплетённой с гербом дома Горгон. Обмакнула перо в чернила и начала писать письмо Линде – моей старшей сестре и верной союзнице, живущей в поместье на севере провинции.

Дорогая Линда,

Прошу тебя исполнить одну просьбу – и прошу сделать это без вопросов, без лишних слов, без попыток понять, что стоит за моими словами. Спрячь Элейлу, мою драгоценную племянницу, как можно лучше. Увези её подальше от столицы – туда, где её не найдут ни шпионы императора, ни любопытные взоры двора.

Элейла – последняя девушка нашего рода, если не считать меня. И пусть наша ветвь не прямая, но только она, вместе с принцем Мираном, может однажды стать опорой для Империи. Если их союз состоится – а лишь боги знают, куда могут привести судьбы, – это станет единственным шансом восстановить справедливость. Император, конечно, никогда не допустит подобного брака сейчас, но дети ещё малы, а Империя подождёт.

Пока я при дворе, а императрица продолжает благоволить нашей дружбе – не всё потеряно.

Пусть Элейла растёт в тишине, учится, набирается сил. Не позволяй никому знать, где она. И кто стоял во главе её дома. Не доверяй никому, кроме тех, чью верность ты проверила годами.

Если это письмо попадёт не в те руки – меня ждёт расстрел. Но я верю, что ты поймёшь: это не каприз, не игра, а последний шанс для нашего дома.

С любовью и надеждой,

Мелиса

Я перечитала строки, взвешивая каждое слово. В них было слишком много правды – опасной, обжигающей правды, способной уничтожить меня в один миг. Но иного выхода не оставалось. Элейла была слишком важна, чтобы рисковать её безопасностью.

Сначала я не хотела лезть в политику... Но... Ненависть к Безилу – узурпатору и просто тирану, медленно убивающему мою единственную подругу, – пересиливала.

Свернув лист, я запечатала его сургучом с оттиском моего кольца. Затем позвонила в маленький серебряный колокольчик, стоявший на секретере. Через мгновение в дверях появилась Марта – моя верная служанка с детства, южанка средних лет с пронизательными глазами и тихими, уверенными движениями.

– Марта, – я протянула ей пакет, – это письмо нужно передать Линде. Ты знаешь, через кого это сделать.

Она молча взяла пакет, но задержала взгляд на сургучной печати. В её глазах мелькнуло понимание – без слов, без вопросов. Марта была одной из немногих, кому я могла доверять безоговорочно. Она знала, что в Радисе ещё остались те, кто помнит дом Горгон и готов помочь его последним представителям – люди, скрывающиеся под личинами торговцев, ремесленников, мелких чиновников. Они передадут письмо дальше, по цепочке, пока оно не достигнет адресата.

Мятеж в столице не поднимал головы, боясь её отсечения. Слишком свежими оставались воспоминания той страшной ночи, но несогласные со сменой власти начинали копить силы и строить планы.

– Будет сделано, миледи, – ответила Марта. – Через три дня адресат получит ваше послание.

– Спасибо, Марта. И помни: ни слова никому. Даже тем, кому доверяешь.

– Понимаю, – она склонила голову и сделала шаг назад. – Я позабочусь обо всём.

Служанка вышла, а я подошла к окну и посмотрела на сад. Утренний туман ещё не рассеялся, окутывая кусты роз и изуродованные, разрушенные мраморные статуи с некогда величественным ликом Прародительницы Империи призрачной дымкой. В голове всплыли мысли о других выживших из дома Горгон.

Марко. Годовалый мальчик, сын Фреи – младшей сестры свергнутой императрицы Оливии. Он бежал вместе с родителями на Жемчужные острова и сейчас, возможно, растёт там, не зная ни о своём происхождении, ни о той роли, которую может сыграть. В нём достаточно крови Горгон, чтобы однажды бросить вызов Безилу. Достаточно – чтобы отомстить. Однако он – мужчина. А власть нашего рода хранила матриархат. Однако...

Я сжала пальцами подоконник, чувствуя, как внутри поднимается волна противоречивых чувств. Жалость к ребёнку, лишённому детства среди дворцовых интриг. Гордость за стойкость его родителей, сумевших бежать. И холодная решимость, напоминающая, что судьба Империи может зависеть от этого малыша.

«Время работает на нас, – подумала я. – Пусть сейчас мы в тени, пусть Безил считает, что уничтожил дом Горгон... Но корни, скрытые под землёй, однажды дадут новые побеги».

Прикрыв глаза, я постаралась успокоиться.

Раздался стук в дверь – молоденькая служанка пришла помочь мне одеться к променаду с Парисой. Я последний раз взглянула на закрытый секретер и кивнула.

– Да, входи. Пора готовиться.

Пока служанка помогала мне облачиться в платье из серебристо-серого шёлка, расшитого мелкими жемчужинами, я мысленно прокручивала предстоящий разговор с Парисой. Моя подруга... Она никогда не была политиком – просто слабая женщина, оказавшаяся под пятой тирана Безила. Я не винила её в свержении моего дома: Париса сама являлась заложницей обстоятельств, пешкой в руках мужа. Но сейчас её слабость возросла как никогда. И это пугало. Я могла лишиться не только единственной настоящей подруги, но и поддержки в этом логове интриг.

Завершив утренний туалет, я бросила последний взгляд в зеркало. Спокойное лицо, прямой взгляд, безупречная осанка – ничто не должно выдать бурю, нарастающую внутри.

Сначала за мной закрылась дверь покоев, а после потянулась вереница колоннад и дворцовых переходов. Вперёд. С гордо поднятой головой.

Я нашла Парису в южной галерее – она сидела на скамье у окна, укутавшись в лёгкую шаль из ангорской шерсти. Утреннее солнце золотило её бледные волосы, подчёркивая нездоровую прозрачность кожи. Но когда она увидела меня, на губах появилась улыбка – слабая, но искренняя.

– Мелиса, дорогая, – она протянула мне руку. – Как я рада, что ты пришла. В одиночестве мысли становятся слишком тяжёлыми.

Я села рядом, осторожно сжав её холодные пальцы.

– Ты выглядишь лучше, чем вчера, – солгала я.

– О, не стоит притворяться, – Париса мягко улыбнулась. – Я вижу твоё беспокойство в глазах. Но сегодня мне действительно легче. Воздух такой свежий, и розы в саду пахнут особенно сладко.

Мы замолчали, слушая, как ветер шевелит листья за окном. Где-то вдалеке раздавались голоса придворных – кто-то смеялся, кто-то спорил о чём-то незначительном.

– Знаешь, – Париса заговорила первой, – вчера я пересматривала свои платья. И поняла, что мода так изменилась за последний год. Всё стало таким... угловатым. Помнишь, как мы носили кринолины? Теперь это кажется чем-то из другой эпохи.

– Да, – я улыбнулась, радуясь лёгкости темы. – Теперь линии стали строже. Но мне нравится этот новый силуэт – он подчёркивает талию, делает фигуру более изящной. Хотя, признаться, я скупаю по пышности старых нарядов.

– А балы? – Париса оживилась. – Ты была на последнем у герцога Вестерна? Говорят, он пригласил музыкантов из-за Грозового океана.

– Была, – я кивнула. – Музыка действительно необычная – какие-то восточные мотивы, непривычные ритмы. Но танцевать под неё оказалось удивительно легко. Гости пребывали в восторге.

Мы заговорили о балах, о новых фасонах платьев, о том, какие цветы сейчас в моде для украшения причёсок. Париса рассказывала, как её фрейлины спорили о длине рукавов – одни настаивали на коротких, другие утверждали, что длинные элегантнее. Я слушала, кивала, смеялась в нужных местах, хотя где-то глубоко внутри всё сжималось от тревоги.

«Нельзя ей говорить ни о собственных зловключениях, ни о планах, – твердил внутренний голос. – Она слишком слаба, чтобы нести этот груз. Её сердце не выдержит ещё одной тяжести».

– А помнишь тот бал, когда мы с тобой спрятались в оранжерее? – Париса вдруг рассмеялась тихим, хрупким смехом. – И герцог Ланский искал нас битый час, пока не догадался заглянуть туда?

– Конечно, помню, – я тоже улыбнулась, воскрешая в памяти тот вечер. – Мы тогда ели клубнику прямо с кустов, хотя садовник строго-настрого запрещал. Нам было по пятнадцать...

– И ты испачкала платье соком, – добавила Париса. – А я пыталась оттереть пятно платком, но только размазала его ещё больше.

Мы рассмеялись – искренне, от души, и на мгновение всё стало почти как прежде. Будто не было этих лет под властью Безила, будто мой дом не оказался почти уничтожен, а Париса не застряла пленницей в собственном дворце.

– Кстати, о гостях, – Париса понизила голос, хотя вокруг никого не было. – Ты заметила, как много новых лиц при дворе в последнее время? Эти аристократы из всех великих домов, которых Безил пригласил... У них такие холодные взгляды.

– Да, – я осторожно кивнула. – Они держатся особняком, почти не общаются с нашими. Но, возможно, это просто разница в воспитании.

– Возможно, – согласилась Париса, но в её глазах мелькнуло сомнение. – Хотя мне от них как-то не по себе. Безил пытается упрочить власть, и я не имею права сомневаться в его решениях.

Мы снова замолчали, наблюдая, как солнечный луч медленно ползёт по мраморному полу галереи. Париса вздохнула, поправляя шаль на плечах.

– Иногда мне кажется, что весь мир стал каким-то... хрупким. Как тонкий фарфор. Стоит неосторожно коснуться – и треснет.

– Но фарфор можно склеить, – мягко напомнила я. – Если делать это осторожно и с любовью.

Она посмотрела на меня, и в её взгляде мелькнула благодарность.

В этот момент дверь в конце галереи открылась, и вошла Ливейра. При виде нас она мгновенно изменила выражение лица – улыбка стала сдержанной, осанка ещё более прямой, движения – плавными и размеренными, как и положено фрейлине в присутствии императрицы.

– Ваше величество, – Ливейра склонилась в глубоком реверансе. – Леди Мелиса. Прошу прощения за беспокойство, но я не могла не сообщить: принц Миран куда-то исчез. Его не могут найти почти час.

Париса резко выпрямилась, и её лицо побледнело так сильно, что на мгновение мне показалось – она сейчас упадёт в обморок. Руки, до этого спокойно лежавшие на коленях, вцепились в край скамьи с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

– Исчез? – её голос сорвался на хриплый шёпот. Она вскочила на ноги, но тут же покачнулась, и я едва успела подхватить её под локоть. – Как исчез? Где? Когда? Почему мне не сообщили раньше?

– Наставник утверждает, что на мгновение отлучился, а когда вернулся, принца уже не было на месте, – Ливейра говорила спокойно, но я заметила, как слегка дрожат её пальцы. – Обыскали все ближайшие помещения, но безрезультатно.

Париса сделала несколько неровных шагов, задыхаясь.

– Он ребёнок! Ему всего девять! – её голос задрожал, в глазах заблестели слёзы. – Где его могли видеть в последний раз? Кто его сопровождал? Почему охрана не заметила?

– В библиотеке, миледи, – ответила Ливейра. – Принц просил разрешения взять книгу о морских путешествиях. Наставник позволил, но предупредил, что вернётся через несколько минут. А когда пришёл... принца уже нет.

Императрица прижала руку к груди, словно пытаясь унять боль.

– Миран... мой мальчик... – она повернулась ко мне. – Мелиса, пожалуйста, помоги! Ты всегда была такой рассудительной, ты знаешь дворец лучше всех... Мы должны его найти! Немедленно!

Она схватила меня за руки, и я почувствовала, как сильно они дрожат.

– Мы найдём его, Париса, – я сжала её ладони, стараясь говорить твёрдо, несмотря на подступающую тревогу. – Обязательно найдём. И с ним всё будет хорошо, обещаю.

Ливейра неуверенно подала голос:

– Я распорядилась обыскать дворец, но, может быть, вы, миледи, подскажете, куда мог направиться принц? Он вас очень уважает, возможно, хотел поговорить...

Я задумалась. Миран действительно часто искал моего общества, задавал умные вопросы, которые не пристало задавать ребёнку его возраста. Куда бы он мог пойти?

– Есть одно место, – медленно произнесла я. – За оранжереей, у старой беседки. Он как-то говорил мне, что любит там сидеть, когда хочет подумать.

– Я немедленно пошлю туда людей, – Ливейра поклонилась. – Прошу прощения за эту неприятность, ваше величество.

– Ступай, – Париса кивнула, но её голос звучал потерянно. – И найди его, Ливейра. Ради всего святого, найди.

Фрейлина поспешно удалилась, а Париса опустилась обратно на скамью, закрыв лицо руками. Её плечи вздрагивали от беззвучных рыданий. Я села рядом и обняла её за плечи.

– Тише, – прошептала я. – Мы его найдём. Я тебе обещаю. Миран жив и здоров, просто где-то спрятался. Может, решил устроить нам сюрприз?

Париса подняла на меня заплаканные глаза.

– Ты правда так думаешь?

– Правда, – я улыбнулась как можно убедительнее. – И знаешь что? Давай пойдём и поищем его сами. Ты покажешь мне все места, где он любил играть в детстве. Мы обойдём их одно за другим.

Она судорожно вздохнула, вытерла слёзы и кивнула.

– Да... да, так будет лучше. Ты жила во дворце с рождения. Мы найдём его. Мы должны.

Мы поднялись со скамьи, и Париса, хоть и выглядела всё ещё слабой, расправила плечи. В её глазах впервые за долгое время появился огонь – не страха, а решимости. Материнской решимости, готовой на всё ради своего ребёнка.

Теперь между нами повисло тяжёлое предчувствие – словно первые капли приближающейся грозы. Но рядом со мной была не больная императрица, а мать, готовая бороться за своего сына. И я собиралась помочь ей в этом любой ценой.

Глава 5

Мы с Парисой медленно шли по дворцовым коридорам, заглядывая в каждый уголок. Императрица, несмотря на слабость, двигалась почти бегом, задыхаясь, но не останавливаясь. Её пальцы судорожно сжимали мою ладонь – так, будто я была её единственной опорой в этом мире.

– Он не мог уйти далеко, – шептала Париса, оглядываясь по сторонам. – Миран знает, что нельзя покидать дворец без сопровождения... Но вдруг он испугался чего-то? Или кто-то его позвал?

Я чувствовала, как её тревога передаётся мне, но старалась сохранять спокойствие – ради неё.

– Мы найдём его, – повторила я в который раз. – Возможно, он просто спрятался где-то, чтобы почитать в тишине. Ты же знаешь, какой он упрямый.

– Упрямый, – эхом отозвалась Париса. – Весь в отца, хоть и не желает этого признавать...

Я невольно поморщилась:

– Не совсем. В нём больше от тебя, Париса. Он чуткий, внимательный. Просто сейчас он расстроен.

– Расстроен? – она остановилась, вглядываясь в моё лицо. – Ты думаешь, он что-то заметил?

– Думаю, он замечает гораздо больше, чем мы предполагаем, – осторожно ответила я. – И переживает за тебя.

Париса опустила взгляд, и на мгновение мне показалось, что она вот-вот заплачет. Но подруга лишь глубоко вздохнула и пошла дальше.

Мы свернули к оранжерее – именно туда, по моим предположениям, мог направиться Миран. По пути я пыталась вспомнить все места, где он любил прятаться: нишу у старой часовни, нишу за гобеленом в восточном крыле, чердак над библиотекой... Но интуиция подсказывала мне – он где-то здесь, рядом с растениями, которые так любил.

По пути нам так и не встретилась стража. По всей видимости, Ливейра не спешила искать сына той, что стояла между ней и Безилом. Это не настораживало – слишком очевидное поведение для любовницы.

Когда мы вышли за оранжерею, я сразу заметила старую беседку на возвышенности. Ветхая, с покосившимися перилами, она давно не использовалась – только садовники иногда складывали там инструменты. Но именно это место всегда привлекало Мирана.

– Там, – я указала вперёд. – Пойдём.

Париса ускорила шаг, почти побежала, но споткнулась. Я подхватила её под локоть, и мы вместе поднялись по тропинке к беседке.

Миран сидел на краю парапета, свесив ноги. Его белоснежные волосы, отливающие серебром и пеплом, слегка растрепались от ветра, а пронзительно-синие глаза, контрастирующие с их миндалевидной формой, были устремлены вдаль. В руках принц сжимал ту самую книгу о морских путешествиях, которую искал в библиотеке.

– Миран! – голос Парисы дрогнул. Она бросилась к сыну, опустилась перед ним на колени и прижала его к себе. – Милый, как ты нас напугал! Почему ты не сказал, что уйдёшь сюда?

Принц поначалу замер в объятиях матери, но потом осторожно высвободился и опустил взгляд.

– Я не хотел учиться, – пробормотал он. – Наставник опять говорил о политике, о том, как надо править... А я не хочу править так, как отец.

Париса побледнела:

– Что ты имеешь в виду, мой мальчик?

Миран поднял глаза – в них таилась недетская твёрдость.

– Отец кричит на тебя. Он всегда такой холодный, такой жёсткий. А ты добрая, мама. Почему он не может быть таким же? Почему мы не можем жить, как раньше, когда Дом Солнца просто правил своими землями, а не захватывал трон силой? Горгоны... – Миран посмотрел в мою сторону и закусил нижнюю губу. – В общем, это всё неправильно.

Париса открыла рот, чтобы что-то сказать, но я незаметно покачала головой. Сейчас не время для нравоучений.

– Миран, – я присела рядом с ним, – ты очень умный и чуткий мальчик. И ты прав: доброта важна. Но иногда людям приходится быть жёсткими, чтобы защитить тех, кого они любят.

Он нахмурился:

– Но отец не защищает нас. Он только пугает. И тебя тоже, тётя Мелиса.

Париса вздрогнула, будто слова сына подкосили её и без того слабые колени.

– Милый, – её голос дрожал, – твой отец... он просто очень занят. У него много дел.

– Занят? – Миран резко повернулся. – Он даже не смотрит на тебя, когда ты говоришь. Он ведёт себя так, будто ты – просто украшение в зале. А ты не украшение. Ты – моя мама. Живой человек.

У Парисы задрожали губы. Она протянула руку, чтобы погладить сына по волосам, но он слегка отстранился.

– Ты не понимаешь, – продолжила Париса, стараясь говорить ровно. – Править Империей сложно. Твой отец должен быть твёрдым.

– А ты должна быть счастливой, – отрезал Миран. – Почему никто не думает об этом?

Я почувствовала, как слова маленького принца попадают в самую суть. В его суждениях и вопросах содержалось столько детской искренности и одновременно – столько правды, что на мгновение я растерялась, как перед древним, мудрым старцем.

– Знаешь что, – я постаралась улыбнуться как можно теплее, – а давай мы с тобой договоримся? Ты больше не будешь убегать, не предупредив маму, наставника или меня. А взамен я буду приходить к тебе после уроков и рассказывать не о политике, а о дальних странах. О тех, что описаны в этой книге. Хочешь?

Глаза Мирана загорелись.

– Правда? – он посмотрел на меня с надеждой. – И о пиратах? И о затонувших кораблях?

– И о пиратах, и о затонувших кораблях, – подтвердила я. – А ещё о волшебных островах, где растут золотые фрукты, драконах, грифонах и даже... кочевниках.

Париса обняла сына за плечи.

– И я тоже буду приходить, – заверила она. – Мы будем читать вместе. И придумывать свои истории.

Миран улыбнулся – впервые за весь этот поспешный разговор среди цветов и одиночества дворца.

– Хорошо. Я больше не буду убегать. Но только если вы обе будете приходить.

– Обещаю, – сказала я.

– Обещаю, – вторила Париса.

Мы помогли ему спуститься с парапета. Париса взяла сына за руку, а я шла рядом, наблюдая за ними. В этот момент я отчётливо поняла: Миран – не просто ребёнок, обиженный на отца. Он – ключ к будущему. Его сердце, полное сострадания, его ум, его воля – всё это может изменить Империю. Если только мы сумеем защитить себя неизменным.

Пока мы возвращались во дворец, я размышляла о том, что услышала. Миран слишком рано начал осознавать жестокость мира. Он видел, как Безил подавляет волю Парисы, как он пренебрегает её чувствами, и это ранило мальчика. Но в то же время в принце уже зарождалось понимание того, каким должен быть настоящий правитель.

– Мама, – вдруг спросил Миран, когда мы подошли к дверям дворца, – а можно уже сегодня вечером мы начнём читать про острова?

– Конечно, милый, – Париса улыбнулась, и впервые за долгое время её улыбка выглядела искренней. – Мы найдём самую красивую книгу и устроим чтение у камина.

– С печеньем? – уточнил принц, хитро прищурившись.

– И с печеньем, – рассмеялась Париса. – С самым вкусным печеньем во дворце.

Миран радостно подпрыгнул и побежал вперёд, на мгновение превратившись в обычного девятилетнего мальчика. Мы с Парисой переглянулись, пока принц махал ладонью, призывая последовать за ним.

– Спасибо, Мелиса, – с теплом в голосе сказала она. – Ты знаешь, как найти к нему подход.

– Просто я помню, каково это – чувствовать себя непонятым, – ответила я. – В детстве мне тоже казалось, что взрослые не слышат меня.

– Но ты выросла и стала той, кто слышит других, – Париса сжала мою руку. – И это делает тебя особенной.

Мы вошли во дворец. Слуги уже спешили навстречу, готовые помочь императрице и принцу. Но сейчас это были просто мать и сын, которые нашли друг друга в буре дворцовых интриг. А я... Я была рядом, готовая поддержать их. Потому что знала: будущее Империи зависит от того, сможет ли Миран сохранить в себе это светлое начало – и сможет ли кто-то помочь ему превратить его в силу.

На пороге комнаты наследного принца нам пришлось разделиться. Две другие подросшие к нам фрейлины Её Величества напомнили о необходимости вернуться в покои для процедур.

Париса, бледная и уставшая, сжала руку сына на прощание. Её пальцы дрожали – то ли от слабости, то ли от тревоги, которую она старалась скрыть.

– Милый, мне нужно принять лекарства и немного отдохнуть. Но я вернусь к вечернему чтению, обещаю, – её голос звучал чуть хрипло, но она улыбнулась так тепло, как умела только она.

Миран кивнул, но в глазах мелькнуло разочарование – детское, искреннее, без притворства. Он не стал уговаривать, не стал капризничать – просто сжал губы и кивнул.

– Хорошо, мама. Будь осторожна, – его ответ прозвучал неожиданно взрослым для девятилетнего мальчика.

Она улыбнулась, поцеловала его в лоб и вышла, оставив нас с принцем наедине в его детской комнате.

Я огляделась. Здесь всё было устроено с особой заботой, но без излишеств, которые обычно любят дети знатных семей. Вдоль стен стояли книжные шкафы из тёмного дерева с застеклёнными дверцами – за ними виднелись корешки книг: от толстых фолиантов по истории до тонких сборников сказок. У окна – маленький письменный стол с разбросанными листами бумаги, чернильницей и несколькими перьями. На листах – наброски кораблей, какие-то схемы, каракули, которые могли быть и детскими рисунками, и попытками записать мысли.

В углу комнаты – коллекция деревянных кораблей, которую Миран собирал с трёх лет. Каждый изготовлен вручную: некоторые – грубовато, видно, что первые попытки, другие – с удивительной детализацией. Рядом с ними – карта Солтэйра и островов на большом свитке, приколотая к стене. На ней были отмечены флажками места, о которых принц читал или мечтал побывать.

Миран подошёл к окну и уставился на сад, где садовники подстригали кусты в форме животных. Один из них, огромный лев, уже почти готов – оставалось доделать гриву. Принц наблюдал за работой молча, будто пытаюсь отвлечься от чего-то.

– Тётя Мелиса, – не оборачиваясь, произнёс он, – а правда, что раньше, до правления отца, в Империи было больше праздников?

Я подошла ближе и села на край кровати, покрытой вышитым покрывалом с изображением созвездий. Ткань оказалась мягкой, но узор уже слегка вытерся в тех местах, где Миран часто сидел или лежал, читая.

– Отчасти правда, – осторожно ответила я. – Но дело не в праздниках, Миран. Дело в том, как правители относятся к своим подданным.

Он повернулся ко мне, и в его пронзительно-синих глазах читалось неподдельное любопытство. Эти глаза, такие яркие на фоне светлой кожи, всегда казались мне окном в его душу – открытую, пытливую, ищущую ответы.

– А как надо относиться? Отец говорит, что люди слабы и им нужен сильный правитель, который будет их направлять железной рукой. Даже приблизил к себе этого... – Миран нахмурился. – Вираяя Моро. Говорит, что он его помощник, но выглядит тот господин как преступник.

Я задумалась, подбирая слова. Нельзя было говорить прямо – слишком мал ещё принц, да и стены дворца имеют уши. И Безил, и Моро являлись опасными противниками. Но заложить зерно мысли было необходимо.

– Представь, что Империя – это большой корабль, – начала я. – Капитан должен быть сильным, чтобы вести его сквозь штормы. Но если он будет бить матросов за каждую ошибку, кто останется управлять парусами? Кто будет чинить пробоины?

Миран нахмурился, обдумывая сказанное. Его пальцы машинально теребили край занавеса – привычка, выдающая волнение.

– То есть нужно, чтобы все помогали? – уточнил он.

– Именно, – я кивнула. – Хороший правитель – как опытный капитан. Он знает, что сила не в том, чтобы запугать команду, а в том, чтобы каждый матрос чувствовал: его труд важен. Что его семья будет в безопасности, что у него будет хлеб на столе, что дети смогут учиться, а старики – отдыхать.

Принц отошёл от окна и сел рядом со мной. На мгновение он замер, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, а потом спросил:

– Но отец говорит, что если быть добрым, то все начнут пользоваться этим. Что слабые погубят сильных.

– А ты сам как думаешь? – я посмотрела ему в глаза. – Ты ведь уже видел придворных, видел солдат, видел слуг. Разве все они плохие? Разве все хотят навредить?

Он задумался надолго. В комнате было слышно только тиканье старинных часов на стене и далёкий шум дворца за окнами: шаги слуг, звон посуды, чьи-то голоса. Миран опустил взгляд на свои руки, потом поднял его к полке с кораблями.

– Нет, – наконец произнёс он. – Няня Соня всегда была добра ко мне. И капитан гвардии, когда я упал с лошади, помог подняться и даже показал, как правильно держаться в седле. А кузнец из деревни у дворца сделал мне вот это, – он достал из-под рубашки маленький железный амулет в форме якоря. – Сказал, что это принесёт удачу моряку.

Я улыбнулась:

– Видишь? Доброта не делает людей слабыми. Она делает их верными. И когда придёт беда, именно эти люди встанут на защиту Империи. Не потому, что их заставили, а потому, что они знают: их правитель думает о них.

Миран покрутил амулет в пальцах, потом осторожно положил его на покрывало рядом с собой.

– Значит, хороший правитель должен защищать всех? И бедных, и богатых?

– Да, – подтвердила я. – Потому что все они – жители Империи. И каждый вносит свой вклад. Богатый купец привозит товары из-за моря, бедный рыбак кормит город рыбой, учёный придумывает новые кэбы и очистительные сооружения, маг – артефакт для всех желающих, а ребёнок вырастет и продолжит всё это. Если правитель будет заботиться обо всех одинаково, Империя станет сильнее.

Принц встал и подошёл к полке с кораблями. Взял самый большой – точную копию имперского флагамена – и провёл пальцем по резным парусам. Дерево было отполировано до блеска – видно, что Миран часто брал этот корабль в руки.

– А если правитель делает что-то не так? Если он обижает тех, кого должен защищать? Что тогда?

Вопрос был опасным, но я не могла солгать.

– Тогда кто-то должен напомнить ему о чести, – сказала я мягко. – О том, что власть – это не право командовать, а обязанность служить. Служить своему народу, своей семье, своей земле.

Миран обернулся, и в его взгляде я увидела что-то новое – не детскую обиду, а зарождающееся понимание. Он больше не выглядел рассерженным мальчишкой, который просто не хочет учиться. В его глазах появилась серьёзность, почти тяжесть ответственности, которую он уже начинал ощущать.

– Как капитан корабля? – уточнил он.

– Точно так, – кивнула я. – И иногда, чтобы напомнить об этом, нужно проявить смелость. Не для того, чтобы бунтовать ради бунта, а чтобы вернуть справедливость.

Миран поставил корабль на место и вернулся ко мне:

– Тётя Мелиса, а ты веришь, что когда-нибудь будет правитель, который так и будет поступать? Который будет как капитан, заботящийся о команде?

Я положила руку ему на плечо. Оно было ещё таким худеньким, но под тканью рубашки чувствовалась твёрдость – принц рос, и рос быстро.

– Я не просто верю, Миран. Я знаю, что такой правитель может появиться. Может быть, он уже растёт где-то в Империи. Или даже сидит сейчас передо мной.

Принц покраснел, но не отвёл взгляда:

– Но я же ещё маленький...

– Маленький, – согласилась я. – Но ты уже сейчас видишь то, чего не замечают другие. Ты чувствуешь несправедливость. И это значит, что когда ты вырастешь, у тебя будет шанс сделать Империю лучше.

В дверь постучали. Вошёл наставник Мирана, лорд Эверетт, с кипой книг под мышкой. Он был высок и сутуловат, с седыми волосами, зачёсанными назад, и пронзительными глазами за очками в тонкой оправе.

– Ваше Высочество, пора к урокам географии, – произнёс он официальным тоном, но в его голосе звучала теплота. – Мы остановились на архипелаге Ветров, чуть дальше от Жемчужных островов.

Миран вздохнул, но в его глазах уже не было прежнего сопротивления:

– Хорошо, лорд Эверетт. Но сначала я хочу попросить тётушку Мелису показать мне на карте те острова, про которые она рассказывала – где растут золотые фрукты.

Наставник удивлённо поднял брови, но кивнул:

– Разумеется, если леди Жаккард не против.

– Конечно, не против, – улыбнулась я. – А потом мы вместе разберём, как течения влияют на морские пути. Это очень важно для капитана.

Миран просиял:

– Спасибо, тётя Мелиса.

Мы склонились над большой картой Империи, разложенной на столе. Она была старинной, с выцветшими чернилами и пометками предыдущих поколений. Миран водил пальцем по линиям, отмечая порты, проливы, отмели. Его глаза горели интересом.

– Смотри, – я указала на один из островов, – здесь живут рыбаки. Они каждый день выходят в море, рискуют жизнью, чтобы прокормить свои семьи. А рядом – вот этот порт, где купцы продают их улов за большие деньги. Хороший правитель, – продолжила я, – должен знать, что благополучие купцов зависит от труда рыбаков. И если он будет заботиться о рыбаках – давать им хорошие сети, помогать в шторма, строить надёжные гавани, – то и купцы станут богаче, и казна пополнится. Но если он забудет о рыбаках, посчитает их незначительными – порт оскудеет, торговля упадёт, и в итоге проиграют все.

Миран внимательно слушал, не отрывая взгляда от карты. Его палец медленно скользил вдоль береговой линии, будто он мысленно прокладывал маршрут.

– То есть, – произнёс он, – если кто-то слаб, это не значит, что он бесполезен?

– Именно, – подтвердила я. – В Империи тысячи таких «слабых» – ремесленники, крестьяне, матросы. Но без них не будет ни армии, ни торговли, ни искусства. Настоящий правитель видит эту связь. Он понимает, что сила Империи – не в золоте и мечях, а в людях, которые её составляют.

Принц задумчиво кивнул, потом вдруг резко поднял глаза:

– А если правитель этого не понимает? Если он думает только о силе и власти? Что тогда?

Я помедлила, подбирая слова. Лорд Эверетт стоял у двери, делая вид, что изучает корешки книг на полке, но я знала: он прислушивается к каждому слову. Опасно.

– Тогда, – сказала я осторожно, – кто-то должен ему напомнить. Не криком и не бунтом, а делами. Показать, что забота о людях – это не слабость, а мудрость. Что уважение завоёвывает больше сердец, чем страх.

Миран вздохнул. Длинная чёлка упала на глаза.

– Но отец не слушает никого. Он даже маму не слушает, хотя она мудрее всех придворных вместе взятых!

– Возможно, – согласилась я. – Но ты ведь не всегда будешь ребёнком. Когда-нибудь ты станешь взрослым, и у тебя появится голос, который услышат. А пока... пока ты можешь учиться. Наблюдать. Запоминать, что правильно, а что – нет.

Он вдруг улыбнулся – не по-детски, а так, будто принял какое-то решение:

– Я буду учиться. Но не только тому, чему учит лорд Эверетт. Я хочу знать, как живут люди за стенами дворца. Хочу понимать, что им нужно.

Это становилось по-настоящему зыбко. Я начинала ходить по тонкому льду.

Наставник кашлянул, привлекая внимание:

– Ваше Высочество, изучение жизни подданных – важная часть образования будущего правителя. Возможно, леди Мелиса согласится сопровождать вас в некоторых... образовательных прогулках?

Я удивлённо подняла брови. Лорд Эверетт смотрел на меня с едва заметной улыбкой – той самой, которая появлялась у него, когда он знал больше, чем показывал.

«Неужели он не видит в моих словах дерзости, предательства Короны? Может... Может, и он думает подобно мне...»

– С удовольствием, – ответила я. – Мы могли бы начать с порта. Там всегда много интересного: корабли из разных стран, товары, люди, которые путешествуют по всему миру.

Миран просиял:

– Правда?! Можно завтра?

– Не так быстро, – лорд Эверетт поднял руку. – Сначала мы закончим изучение архипелага Ветров и его торговых путей. Но после этого, если леди Жаккард не возражает, я сам попрошу у Императора разрешения на небольшую экскурсию.

Принц вскочил на ноги, едва не опрокинув чернильницу:

– Спасибо, лорд Эверетт! И спасибо, тётя Мелиса! – Миран подбежал к полке с кораблями и осторожно снял самый маленький – изящную модель рыбацкой лодки. – Вот, – протянул он мне. – Это тебе. В знак благодарности.

– Я не могу принять такой подарок, – я попыталась отказаться, но он настойчиво вложил модель в мою руку.

– Можешь. Это не просто корабль. Это символ. Рыбацкая лодка – она маленькая, но без неё не будет большого флота. Так же и без простых людей не будет Империи.

Я сглотнула ком в горле. В девять лет он уже формулировал мысли, до которых многие не доходят и в зрелом возрасте.

– Спасибо... Я буду хранить его как самое дорогое сокровище.

Лорд Эверетт подошёл ближе и положил руку на плечо принца:

– А теперь, Ваше Высочество, давайте вернёмся к карте. Расскажите мне, какие течения помогут нам добраться до архипелага Ветров быстрее всего. Но сначала – что мы можем предложить рыбакам с тех островов в обмен на их товары?

Миран тут же оживился:

– О, это просто! У них много рыбы, но мало зерна. А ещё они делают удивительные сети из водорослей – такие лёгкие и прочные. Мы могли бы...

Он начал увлечённо объяснять, а я отошла к окну. Сердце билось часто – я только что стала свидетелем рождения идеи, которая когда-нибудь изменит Империю. Миран не просто слушал – он уже строил планы.

Лорд Эверетт поймал мой взгляд и едва заметно кивнул, словно говоря: «Я тоже это увидел». В его глазах читалось то же понимание – этот мальчик не станет повторять ошибок своего отца. Он создаст что-то новое.

Когда урок подошёл к концу, Миран проводил нас до двери.

– Тётя Мелиса, – прошептал он, пока лорд Эверетт собирал книги, – а можно мы завтра поговорим ещё? О том, как сделать так, чтобы все люди в Империи были счастливы?

– Конечно, – улыбнулась я. – У меня есть пара идей. И я знаю людей, которые могут рассказать тебе ещё больше.

Его глаза загорелись:

– Тайных людей?

– Скажем так, – я подмигнула, – людей, которые видят Империю не из окон дворца.

Лорд Эверетт кашлянул:

– Ваше Высочество, завтра у нас много дел. Но я уверен, леди Мелиса найдёт время для беседы. А теперь вам пора готовиться ко сну. Императрица будет беспокоиться, если вы не отдохнёте как следует.

Миран вздохнул, но без обиды:

– Хорошо. Спокойной ночи, тётя Мелиса. И спасибо.

– Спокойной ночи, Миран, – я погладила его по голове, чувствуя, как теплеет на душе.

Выходя из детской, я оглянулась. Принц стоял у окна, держа в руках свой амулет-якорь. Он смотрел вдаль, туда, где за горизонтом простиралась его будущая Империя – та, которую он однажды построит по своим правилам.

А я знала: моя задача – помочь ему сохранить этот свет в глазах. Помочь ему вырасти в правителя, который будет помнить, что власть дана не для того, чтобы возвышаться над людьми, а для того, чтобы служить им.

Глава 6

Я сидела у окна в своих покоях, перебирая наброски карты морских путей – тех самых, что мы с Мираном обсуждали вчера. Пальцы машинально водили пером по пергаменту, но мысли были далеко. В голове снова и снова всплывали слова принца: «Без простых людей не будет Империи». В его устах это звучало так просто и так правильно...

Стук в дверь раздался резко, почти грубо – не тот вежливый стук служанки, а властный, нетерпеливый. Прежде чем я успела ответить, дверь распахнулась, и в комнату ворвался Лирен.

Он был взъерошен: плащ перекосялся на плече, волосы растрёпаны, в глазах – странная смесь ярости и боли. Я сразу поняла: что-то случилось. И это «что-то» связано со мной.

– Мелиса, – голос прозвучал надтреснуто, – объясни мне.

Я отложила перо, стараясь сохранить спокойствие:

– Что именно я должна объяснить, Лирен?

Он сделал несколько шагов ко мне, сжимая и разжимая кулаки:

– Ты знаешь. Гвардеец из твоей охраны – Гюстав – обмолвился... Сказал, что навещал твои покои после наступления темноты.

– И что с того? – я подняла взгляд, стараясь выглядеть незаинтересованной в этом разговоре. – Разве я обязана отчитываться перед тобой о каждом визитере?

– Визитере? – он горько усмехнулся. – Ты называешь это визитом?

– Я называю это тем, чем оно было, – отрезала я. – Деловой беседой.

– Деловой? Ночью? – Лирен резко сократил оставшееся расстояние. – Не лги мне, Мелиса. Ты всегда была честна, почему сейчас лжёшь?

– Я не лгу, – я встала, чтобы не чувствовать себя загнанной в угол. – И никогда не обещала тебе верности. Мы оба знали, что это – просто связь. Приятная, волнующая, но не больше.

Красивое лицо Лирена исказилось от ярости:

– Просто связь? – прошипел он. – Для тебя всё так просто, да?

– Не перекручивай мои слова, – я отступила к окну, но он последовал за мной. – Я никогда не скрывала, что не готова к браку, к клятвам, к вечной верности. Ты же понимаешь, Лирен: я герцогиня, а ты – гвардеец. Между нами всегда была эта грань. Я не хотела её нарушать, но... но и не смогла удержаться.

Лирен замер, словно впервые услышал эти слова – не как оправдание, а как констатацию факта.

– Грань, – повторил он глухо. – Да, конечно. Я знал это с самого начала. Просто... просто позволил себе забыть.

Он вдруг сделал резкий шаг вперёд и схватил меня за руки, сжал почти до боли. Его пальцы впивались в кожу сквозь тонкую ткань рукава, но я не отстранилась – просто смотрела в небесные глаза, тёмные от эмоций.

– Просто давай всё забудем, – я повела плечами, надеясь, что выгляжу скучающей.

– Забыть? – голос Лирена дрожал. – Легко сказать. А как забыть твои прикосновения? Твой смех? То, как ты смотришь на меня, когда думаешь, что я не замечаю? Как мне стереть это из памяти, Мелиса?

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло – не любовь, нет, а острая жалость. Лирен был так искренен в своей боли, так открыт, что на мгновение мне захотелось смягчиться, сказать что-то утешительное. Но я знала: это станет ошибкой.

– Лирен, – я попыталась осторожно высвободить руки, но он только усилил хватку. – Отпусти. Ты делаешь мне больно.

– Больно? – смех Лирена вышел безрадостным. – А ты не думаешь, что мне больно? Каждый раз, когда ты отстраняешься. Когда говоришь со мной так холодно. Когда напоминаешь о «границах».

Он внезапно притянул меня к себе, почти прижал к груди. Я ощутила его учащённое дыхание, тепло тела, биение сердца – быстрое, неровное.

– Послушай, – прошептал он, и губы почти коснулись моего виска. – Давай забудем обо всём. О титулах, о правилах, о дворцовых сплетнях. Просто останься со мной. Хотя бы ещё на одну ночь.

Я закрыла глаза, пытаюсь собраться с мыслями. Близость молодого человека будоражила, но я знала: поддаться сейчас – значит продлить эту муку для нас обоих.

– Нет, – я твёрдо положила ладони на грудь поверх камзола и слегка оттолкнула. – Это не решит проблему. Наоборот, только усложнит всё.

– Усложнит? – Лирен резко отпустил мои руки, но остался стоять так близко, что я чувствовала жар его тела. – Ты говоришь так, словно это какая-то задача, которую нужно решить! Будто чувства можно разложить по полочкам, как книги в библиотеке!

– Я не отрицаю твоих чувств, – сказала я тише, надеясь успокоить накал. – И ценю их. Но я не могу дать тебе то, чего ты хочешь. Не потому, что не хочу сделать тебя счастливым, а потому, что это не в моих силах.

Взгляд Лирена ожесточился. Он медленно поднял руку и провёл пальцами по моей щеке – нежно, почти невесомо. Этот жест был таким контрастным после его недавней вспышки, что у меня перехватило дыхание.

– Ты правда не понимаешь, – прошептал он. – Ты не просто герцогиня. Ты – женщина, которая перевернула мой мир. И теперь ты хочешь, чтобы я просто... отошёл в сторону?

– Да, – я заставила себя стоять ровно, с гордо поднятой головой. – Именно так. Потому что иначе будет только больнее. Для нас обоих.

На мгновение в комнате повисла тишина. Я слышала только наше дыхание – его прерывистое, моё – чуть более ровное, но тоже неровное. Лирен медленно опустил руку, отступил. Его плечи опустились, но в глазах всё ещё горела какая-то отчаянная искра.

– Хорошо, – произнёс он наконец. – Я уйду. Но не потому, что сдался, а потому, что ты просишь. И знай: я не перестану любить тебя. Даже если ты запретишь мне приближаться. Даже если выйдешь замуж за кого-то другого.

– Лирен... – начала я, но он перебил:

– Нет. Не надо утешений. Просто позволь мне уйти сейчас, пока я ещё могу сохранить хоть каплю достоинства.

Он резко повернулся и направился к двери. Уже на пороге остановился, не оборачиваясь:

– Прощай, Мелиса, – тихо произнёс он. – Пусть твоя свобода принесёт тебе счастье.

Дверь тихо закрылась. Я осталась стоять посреди комнаты, чувствуя странное опустошение. В воздухе ещё витал запах его кожи, металла от меча, чего-то терпкого и мужского. Я глубоко вдохнула, пытаюсь прийти в себя.

Но прежде чем я успела собраться с мыслями, дверь снова распахнулась. На пороге стояла запыхавшаяся служанка – Алия, одна из горничных императрицы. Её лицо было бледнее мела, руки дрожали.

– Леди Мелиса! – выдохнула она, едва держась на ногах. – Быстрее! Вам нужно идти!

– Что случилось? – я бросилась к ней, схватила за плечи, пытаюсь удержать от падения. – Говори, Алия!

– Императрица... – она сглотнула, и в её глазах застыли слёзы. – Её Величество Париса... Она не проснулась сегодня утром. Врачи говорят... говорят, что она скончалась ночью.

Мир на мгновение замер. Воздух будто сгустился, стал тяжёлым, почти осязаемым. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Париса... Нет. Не может быть. Ещё вчера она улыбалась, обнимала сына, обещала вернуться к вечернему чтению...

– Что ты говоришь? – прошептала я, ослабляя хватку на плечах служанки. – Ошиблась? Может, врачи ошиблись?

– Нет, миледи, – Алия покачала головой. – Всё подтверждено. Её нашли в постели, словно спящей. Но сердце остановилось.

В груди что-то схлопнулось. Я отпустила Алию и на мгновение закрыла глаза, пытаюсь осознать услышанное. Париса. Добрая, нежная, хрупкая Париса, которая так нуждалась в поддержке, в тепле, в любви... И которая так мало получала этого.

– Где она? – резко спросила я. – Где её тело?

– В её покоях, миледи. Лорд-врач и духовник уже там.

Не раздумывая больше ни секунды, я рванулась к двери:

– Веди!

Алия бросилась вперёд, я последовала за ней. Мы бежали по коридорам – мимо удивлённо оглядывающихся слуг, мимо гвардейцев, которые отдавали честь, не понимая, почему герцогиня Мелиса так спешит. Ступени, повороты, знакомый коридор с гобеленами...

Я не замечала ничего вокруг. В голове билась только одна мысль: «Париса. Париса умерла. Миран остался один».

Мы остановились у дверей её покоев. Двое гвардейцев у входа склонили головы. Алия толкнула дверь, и я вошла внутрь.

Комнату заливал утренний свет. Париса лежала на кровати, укрытая лёгким покрывалом. Её лицо казалось спокойным, почти умиротворённым, как если бы она просто уснула. Рядом стояли врач и старый духовник, склонившие головы в молчании.

Я подошла ближе, опустила на колени у кровати и взяла её руку. Она была ещё тёплой.

– Париса... – прошептала я. – Как же так? Почему ты ушла?

Слёзы навернулись на глаза, но я не стала их сдерживать. Плакала не только о ней – о её несбывшихся надеждах, страхе перед мужем и любви к сыну, которую она не успела до конца выразить. Плакала о Миране, который сейчас где-то там, в своей комнате, и ещё не знает, что остался сиротой.

– Миран, – выдохнула я, поднимаясь. – Мне нужно к Мирану. Немедленно.

Я повернулась к Алие:

– Найди лорда Эверетта. Пусть будет рядом с принцем. И... и подготовь всё для прощания. Но сначала... мне нужно сказать Мирану самой.

– Да, миледи, – кивнула служанка, вытирая слёзы, и поспешила к двери.

Но прежде чем она успела выйти, дверь распахнулась, и в покои вошёл Безил – император собственной персоной. Его высокая фигура заполнила дверной проём, а лицо, обычно бесстрастное, сейчас выражало что-то среднее между раздражением и растерянностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.